

**Узбекистонда
ИЖТИМОЙ
Фанлар**

**10
1975**

**Общественные
науки
в Узбекистане**

ФАН

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

10

1975

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С.-К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, доктор ист. наук М. А. АХУНОВА, доктор филол. наук М. К. КОШЧАНОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. ист. наук А. А. АСКАРОВ, канд. филос. наук Н. Г. ГАИБОВ (*зам. редактора*), Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

Издательство «Фан» УзССР, 1975 г.

М. ҚУШЖОНОВ

СОЦИАЛИСТИК РЕАЛИЗМ АДАБИЕТИДА МАЗМУН ВА ШАКЛ БИРЛИГИ

Кейинги пайтларда адабиётшуносларимиз ўзбек адабиётида реализмнинг тараққиёт йўллари, хусусан социалистик реализм методининг шаклланиш этаплари ҳақида анча ишлар қилдилар. Бу тадқиқотлардан шу нарса маълум бўляптики, ўтмишда, классик адабиётимизда ҳали етук равишда шаклланмаган реалистик элементлар, XIX аснинг охирлари, XX аснинг бошларига келиб ҳаётда рўй бераётган революцион ҳаракатлар натижаси ўлароқ, реалистик метод сифатида шакллана бошлади. Бу ишлар аввало мазмундан бошланди. Эски анъанавий шакллар тез суръатлар билан ривожланаётган янги ҳаёт воқеликларини акс эттиришга етарли жавоб бера олмаётгани маълум бўлади. Изланишлар бошланди. Баъзи авторлар адабиётнинг янги жанр кўринишларини топгандек бўлдилар. Бошқа халқлар адабиётида кўпроқ тараққий этган жанр — насрга мурожаат қилдилар. Бироқ насрдаги изланишлар ҳали ниҳоятда ибтидоий эди. Уларда яратилаётган образлар кўпроқ ҳаётда пайдо бўлган янги ғояларга иллюстрация даражасида қолар, мазмун ҳам мукамал эмас эди. Улар ҳаётни ибтидоий, маърифатпарварлик йўли билан тасвирлар эдилар. Демак мазмуннинг ўзи ўтмишга нисбатан прогрессив бўлса ҳам, тез суръатлар билан олға бораётган ҳаёт талабига жавоб бера олмас, излаб топилган шакллар ҳам хом эди.

XX аснинг ўнинчи йилларида ўзбек адабиётида «роман» термини пайдо бўлди. Социал зиддиятларни кенгроқ ва теран акс эттириши мумкин бўлган бу жанрнинг яратилишини ҳаётнинг ўзи талаб қилар эди. Шу сабабдан ўзбек адаблари бу терминни ўз ижодларига олиб кирдилар. Аммо ҳаёт талаб қилгани билан адабиёт, санъатдаги янгиликлар қийинчиликларсиз, изланишларсиз амалга ошавермайди. Роман жанрининг туғилишида ҳам шундай бўлди. Ўзбек ёзувчилари бу термин моҳиятига тўла тушунмасдан насрда ёзилган барча воқеий асарларни «роман» деб атайдиган бўлдилар.

Сифат ўзгаришлар адабиётнинг кўпгина жанрларида, хусусан, поэзия ва драмада яққолроқ сезила бошлади. Ҳамза яратган революцион руҳдаги шеърлар китобхонлар орасида кенгроқ тарқаладиган бўлди. Унда акс эттирилаётган инқилобий руҳ ва янги шакл тўғайли, илгари кўпроқ тор доираларда ўқиладиган поэзия халқ оmmasи орасида кенгроқ тарқаладиган бўлди. Шоир эса янгилик жарчисига айланди.

Ўнинчи йилларнинг ўталарида Бехбудийнинг «Падаркуш», Абдулла Қодирийнинг «Бахтсиз куёв»идан бошланган замонавий драма соҳасидаги изланишлар Ҳамза Ҳакимзода Ниёзийнинг «Бой ила хизматчи»си билан якунланди. «Бой ила хизматчи» ҳам мазмунан, ҳам шаклан том маънодаги новаторлик бўлди. Бехбудий, Абдулла Қодирий драмалари ғоявий асослари билан ҳали анча чекланган бўлиб, ҳаётни маърифатпарварлик нуқтан назаридан туриб акс эттирар эди. Шунга

мувофиқ шаклда ҳам анчагина етишмовчиликлар бор эди. Уларда жонли характерлар ўрнига ёзувчилар кўпроқ риторик баёнга берилиб кетдилар. «Бой ила хизматчи»да Ҳамзанинг ютуғи шу бўлдики, унга зўрма-зўраки ёпиштирилган бирор сунъий маъно йўқ. Ёзувчи эски тузумнинг қабихлигини, халқ орасида илдиз отаётган инқилобий кайфиятнинг ҳаётийлигини мукаммал ифода қила оладиган ситуациялар яратди, маънодор ва жонли характерлар кашф этди, уларни сифатлайдиган муҳитни кўрсатди.

Юқорида тилга олинган адабий фактлардан шундай хулоса келиб чиқади: Ёзувчи маҳорати аввало мазмуннинг реаллик даражасига, ҳаётда рўй бераётган революцион тенденцияларнинг акс этдира билишига боғлиқ. Бошқача қилиб айтганда, ёзувчи маҳорати ҳаётга биринчи назар ташлашдан бошланади. Ҳаёт ҳақиқатини етарли англамай туриб ёзилган асарларда доим нималардир етишмайди — мазмун тўла бўлмайди, мазмунни ифодалаш учун қўлланилган адабий воситалар сохта ва номукаммал бўлади.

Реалистик принципларнинг мустаҳкамланишида бадий маҳоратнинг ролини биринчи ўзбек романи «Ўтган кунлар» мисолида яна ҳам яққолроқ кўриш мумкин. Абдулла Қодирийнинг «Ўтган кунлар» романи хусусида унинг биринчи эълон қилинган кунидан бошлаб шу бугунгача бир-бирларига зид фикрлар айтиб келинмоқда. Баъзи танқидчилар «Ўтган кунлар» ёзувчи маҳорати жиҳатидан юксак, мазмун жиҳатидан эса заиф, ҳатто зарарли деган фикрни қайд қиладилар.

Ўз хулосаларини асослаш учун «Ўтган кунлар» романининг танқидчилари ёзувчининг қаҳрамон танлаш масаласига урғу қиладилар. Унинг асосий қаҳрамонлари ҳоким синф вакиллари, шу сабадан у ҳоким синф вакиллари ҳақида роман бўлиб, меҳнаткаш халқ идеологиясидан узоқдаги асар демоқчи бўладилар.

«Ўтган кунлар» романининг асосий қаҳрамонлари ҳоким синф вакиллари экани тўғри. Бироқ адабиёт ва санъатда санъаткорнинг гоёвий позициясини, унинг бадий маҳоратини фақат қаҳрамонларнинг синфий келиб чиқишига қараб белгилаш тўғри бўлмайди. Буни танланган қаҳрамонларнинг тақдиридан келиб чиқадиган хулосалар ва уларнинг китобхонга ўтказган таъсирига қараб белгилаш керак.

«Ўтган кунлар» фожиавий асар. Фожиани яратишда Абдулла Қодирийнинг ўз услуби бор. Унинг назарида меҳнаткаш халқ вакилининг фожиаси «одатдаги» ҳодиса эди, ундан келиб чиқадиган маъно ҳам одатдагидек бўлиб кўринди унга. Ҳоким синф вакилининг фожиаси ёзувчи айтмоқчи фикрни тўлароқ ифодалаши керак эди. Қаҳрамонларни ҳоким синф вакилларидан танлаб, уларнинг фожиасини кўрсатиш ҳаёт воқелигини бадий бўрттириш, ундан келиб чиқадиган маънони қуюқлаштиришнинг бир йўли эди.

«Ўтган кунлар»да акс эттирилган хон истибдоди, мустабидлик даври шундай давр эдики, бу даврда оддий меҳнаткаш вакили у ёқда турсин озгина бўлса ҳам инсоний хислатларга эга, сал-пал бўлса ҳам прогрессив кайфиятдаги ҳоким синф вакиллари ҳам ўзларини эркин ҳис қила олмас, истибдод таҳқирига, хон зулмига дучор бўлиши муқаррар эди. Мана «Ўтган кунлар»даги фожиадан келиб чиқадиган маъно. Шунинг ўзи Абдулла Қодирий романида ёзувчи маҳорати аввало ҳаётга муносабатдан, унинг чиркин томонларини инкор қилишдан бошланганини кўрсатади. Ҳаётнинг чиркин томонларини инкор қилиш учун эса унда юксак идеал бўлиши керак эди. Шу хилдаги идеал Абдулла Қодирийда бор эди. Бу идеал адибнинг Октябрь социалистик революциясини қувонч билан қабул қилиб, совет платформасига ўтиши натижа-сида юзага келди. Тўғри, бу идеал социалистик реализм принциплари-

га ҳамма жиҳатдан тўла жавоб берадиган даражада бўлмаган. Бироқ у ўтмиш иллат ва уқубатларини инкор қилиш, янги ҳаёт фазилатларини тасдиқлаш учун етарли эди.

Абдулла Қодирийнинг, хусусан унинг «Ўтган кунлар» романининг ҳозирги танқидчилари ёзувчининг реалистик принциплари устида тўхтаб, икки тарафга бўлиндилар. Улардан бири (масалан, Б. Имамов, «Ўзбекистон маданияти», 1972, № 22) романи танқидий реализм асари деб, шу асосда асардан қатор «камчиликлар» топадилар. Адибни дунёқарашда чекланган, замондан, революцион ўзгаришлардан орқада ҳисоблайдилар. Улардан иккинчи тоифаси (масалан, Ф. Насриддинов, «Ўзбекистон маданияти», 1972, № 8) А. Қодирийни социалистик реализм ёзувчиси ҳисоблайдилар-да, унга ўзлари ихтиро қилган соцреализм «қолип»ини қўйиб кўрадилар, романдан бу «қолип»га тўғри келмайдиган жойларини топгандек бўлиб, уни қаттиқ қоралайдилар. Бу хилдаги танқидчилар баъзан нега «Ўтган кунлар» қаҳрамонлари «Бой ила хизматчи», «Қутлуғ қон»дагидек революционер эмас, деб даъво қиладилар. Бундан икки-уч йил илгари «Ўзбекистон маданияти» газетаси саҳифаларида узоқ вақтлар давом этган мунозара асосан мана шу икки йўналишда борди.

Бир-бирларига зид бу икки гуруҳ мунозараси хусусида шуни айтиш керакки, Абдулла Қодирий «Ўтган кунлар» устида иш бошлаган пайтларда танқидий реализм билан социалистик реализм ораларида қандайдир Хитой девори бўлган эмас. Ҳозир ҳам фалон кун танқидий реализм даври тамом бўлди, шу кундан эътиборан социалистик реализм даври бошланди дейиш адабиёт ва санъат тараққиёти тарихидаги мураккабликни тушуниб етмасликдан бошқа нарса эмас. Бу икки метод асослари анча вақтлар, балки ўн йиллаб ҳамкорлик қилгандир, бир-бирларини қувватлагандир. Бир вақтнинг ўзида Ҳамза шеърлари ва унинг «Бой ила хизматчи» драмасига ўхшаган социалистик реализм методи принципларига мукамал жавоб берадиган асарлар ҳам яратилган, худди шу даврнинг ўзида насрдаги эски услублари, ҳатто танқидий реализм рамкасини ёриб чиққан, лекин ҳали социалистик реализм талабларига мукамал жавоб бера олмайдиган, бироқ ўзининг гоёвий ва бадиий асослари билан жамиятга фойда келтирадиган «Ўтган кунлар»га ўхшаган асарлар ҳам яратилган. Масалани мана шу мураккаблигида олиб ўргангандагина ҳақиқат келиб чиқиши мумкин.

Абдулла Қодирий танқиддан юқори турган адиб эмас, албатта. «Ўтган кунлар»нинг баъзи ўринларида шартлилик ошириб юборилган, реалистик планда ҳал қилиниши зарур бўлган баъзи воқеаларга романтик бўёқ керагидан ошиқча бериб юборилган, асарнинг бош қаҳрамони Отабек образининг тасвирида сентименталлик элементларининг ошиқча учрайдиган жойлари бор. Назарий жиҳатдан ноетуклик белгилари ҳам йўқ эмас. «Ўтган кунлар» танқидчилари шу хилдаги камчиликлар юзасидан фикр юритишмасдан, нимагадир уни методдан олиб методга соладилар ёки юқорида айтганимиздек бадиий маҳоратини кўкларга кўтариб мақтайдилар-да, асарнинг гоёвий асосини ерга урадилар. Бу хилдаги танқидчилар ҳар бир ижодда бўлганидек «Ўтган кунлар»да ҳам асарнинг гоёвий асоси билан унинг шакли — ёзувчининг маҳорати орасида уйғунлик бўлиши кераклигини унутиб қўядилар.

30—40 йиллар ўзбек адабиётида шакл билан мазмуннинг бирлиги, яъни асарларнинг гоёвий асоси билан ёзувчи маҳоратининг яна мукамаллашганини кўрамиз. Ингирманчи йиллардаги жанрий изланишлар, адабий тилни такомиллаштириш устида олиб борилган уринишлар, бу жиҳатдан улуг рус халқи ва бошқа қардош халқлар адабиётининг сабоқлари ўз самарасини берди. Қатор шоир ва адиблар ҳаёт ҳақи-

қатини англаб, уни маҳорат билан акс эттириш жиҳатдан Ҳамза, Абдулла Қодирий. Айни сингари устозлар традицияларини давом қилдирдилар. Ёзувчиларимиз адабиётда кам акс эттирилган ҳаёт ҳақиқатларини кўтариб чиқадиган, ўзлари яшаётган замонга яна ҳам яқинлашиб, ҳаётда мавжуд бўлган проблемаларни яна ҳам дадиллик билан акс эттирадиган бўлдилар. Бошқача қилиб айтганда, ёзувчиларимиз ҳаётга яна ҳам фаолроқ ёндашадиган бўлдилар. Улар ҳаётда амалга оширилаётган йирик воқеаларни бевосита акс эттирадиган бўлдилар. Шунга мувофиқ адабиётнинг янги-янги жанрлари пайдо бўлди. Кам учрайдиган, учраса ҳам ҳали тўлақонли жанр шаклида кўзга ташланмайдиган — очерк, ҳикоя, қиссалар пайдо бўлди. Коллектив поэтик хатлар жанри майдонга келди. Ўтмишда кўпроқ инсониятнинг интим ҳаётига бағишланадиган баъзи бир социал мотивларни интим ҳаёт орқали акс эттирадиган поэзия адабиётнинг энг ҳозиржавоб жанрига айланди. Ҳар бир жанрда ҳаётни ўзига хос йўллар билан акс эттирадиган санъаткорлар етишиб чиқди. Санъаткорларимиз хизмати ҳаёт воқелигидаги социалистик идеалга мос тушадиган нуқталарни удуғлаш, унга зид нуқталарни санъаткорона қоралашдагина эмас, балки воқеликни акс эттиришда маҳоратнинг янги-янги босқичларини эгаллашларида ҳамдир. Улар адабиётимизни жанр жиҳатидан ҳар қачонгидан ҳам кўра кўпроқ бойитдилар. Ҳамза, Абдулла Қодирий бошлаб берган ҳозирги ўзбек адабий тили нормаларининг мукаммаллашишига бениҳоя катта ҳисса қўшдилар. Тасвирда муҳим адабий приём ва принципларни ишга солдилар. Реалистик — психологик таҳлилни мукаммаллаштирдилар, ҳаёт воқелиklarини деталлаштириб, унинг кўз илғамас томонларини кашф қиладиган бўлдилар.

Шундай қилиб, ҳар бир адабиётда бўлгани сингари, ўзбек совет адабиётида ҳам социалистик реализм методининг камол топиши фақат у акс эттирадиган мазмуннинг мукаммаллашишига боғлиқ бўлиб қолмай, шу мазмунни акс эттиришга бўйсундирилган шаклий омилларнинг ҳам баробарига мукаммаллашишига боғлиқ бўлди.

Йиллар ўтган сари тажриба орта борди. Ҳаёт бойлиги, ундаги воқеаларнинг ранг-баранглиги, совет кишиси интеллектуал дунёсининг улғайиши адабиёт ва санъатнинг янги-янги босқичларга кўтарилишига замин бўлди. Ўзбек ёзувчиларининг ҳаётни акс эттириш кўлами кенгайди. Келажакни яна ҳам аниқроқ белгилаб олиш учун ўтмишга мурожаат қилиш керак бўлди. Шу маънода тарихий — революцион тема ўзбек адабий жараёнининг муҳим тармоқларидан бири бўлиб қолди. Тарихдан сабоқ излаб ўзбек ёзувчилари унинг энг мураккаб, энг чигал қатламларига назар ташлашга журъат қилдилар ва фақат иттифоқ китобхонларига эмас, балки дунё китобхонларига манзур бўлган тарихий асарлар яратиб бердилар. Мазмундаги бу хилдаги ўзгаришлар шаклий ўзгаришларни туғдирди. Ҳали ўзбек адабиётида маълум бўлмаган янги-янги жанр кўринишлари майдонга келди. Ёзувчиларимиз ҳаётни кенгроқ кўламда акс эттириш учун эпик жанрнинг йирик шаклида иш қиладиган бўлдилар. Романнинг ихчам формаларидан ташқари унинг катта эпик шакли — дилогия ва трилогиялар майдонга келди. Совет даврида ўсиб-улғайган ёзувчиларимизнинг тажрибасини умумлаштирадиган автобиографик жанр пайдо бўлди.

Аммо тарихдан сабоқ излаш ўзбек ёзувчиларининг бирдан-бир хизмати эмас, албатта. Ўз куч ва қудрати билан дунёни ўзгартираётган, ўз ҳаётини янги изга солаётган, дунё ташвишларини тортаётган инсоннинг кундалиқ ҳаёти ва меҳнатини акс эттириш, бошқа совет адабиётлари қатори, ўзбек адабиётининг ҳам асл йўналиши бўлиб қолди. Республикамиз олдида турган муҳим-муҳим проблемаларни санъаткорона

англаб, бу проблемаларнинг кескин ва драматик нуқталарини топиб, ҳаётга актив аралашадиган ёзувчиларимиз шаклланди.

Бу қисқа экскурсия кўрсатадики, ўзбек адабиёти қисқа муддат ичида ҳаётнинг ҳамма томонларига ҳар қачонгидан кўра активроқ кириб борди, унинг муҳим-муҳим проблемалари билан китобхонни яқиндан таништириб, уни янги-янги зафарларга отланишга ундайдиган бақувват бир адабиётга айланди. Булар ҳаммаса социалистик реализм доирасида амалга ошган бўлса ва буни шаклдан кўра мазмунга тегишли деб ҳисоблайдиган бўлсак, бу ҳам маҳорат белгиси. Чунки юқорида айтганимиздек, ёзувчи маҳорати чиройлик сўз териш, уни бежирим қофияга сола билишдан, ёки ўз қаҳрамонларини тўғри сўзлата билишдан, уларни воқеалардан воқеаларга олиб ўтаберишдангина иборат эмас. Ёзувчи маҳорати ҳаётга ёндошишдан, унинг муҳим томонларини кўра билишдан бошланади, уни маънодор қилиб тасвирлаб бериш билан аяқланади. Маъно тугал ўйланмаган бўлса шакл ҳам одатда тугал бўлмайди. Ёзувчи мазмун хусусида кўп ўйласаю, унинг шакли устида кунт билан ишламаса аввало мазмуннинг ўзига путур етади. Адабиёт ва санъат тарихи бу икки омилнинг мустақкам бирлигини тақозо қилади. Социалистик реализм адабиёт ва санъатга хос бу хусусиятни инкор қилмайди, балки яна бир бор тасдиқлайди.

Бир вақтлар «конфликтсизлик назарияси» таъсирида қатор асарлар яратилди. Бу асарларда ҳаёт зиддиятликлари объектив ва тўғри ҳал қилинмаганидан мазмун тугал ва мукамал бўла бермас эди. Шунга мувофиқ бу хилдаги асарлар бадний жиҳатдан ҳам, яъни шаклан ҳам номукамал бўларди. Жонли характерлар ўрнига ёзувчи ҳоҳиши билан ҳаракат қиладиган кимсалар юрар, воқеалар эса бир-бирларидан кам фарқ қиладиган бўлиб, сюжет ва композицияда оригиналлик бўлмас эди. Бир асар иккинчи бир асарнинг ёмон кўчирилган нусхасига ўхшаб қоларди. Адабиёт ва санъатимиз бу касалдан ўз вақтида қутилди. Бугун адабиёт ва санъатимиз тажрибаси катта. Эндиликда «конфликтсизлик назарияси»га ўхшаган ҳам мазмунга, ҳам шаклга путур етказадиган зарарли тенденцияларнинг туғилиши ва узоқ яшаши осон эмас. Бироқ адабиёт ва санъат тарихи изланишлар тарихидан иборат экани маълум. Шу сабабдан изланишлар натижаси ўлароқ ҳам мазмунга, ҳам шаклга, бошқача қилиб айтганда, бадний маҳоратга тегишли баъзи бир камчиликлар бўлиб туриши мумкин.

Баъзан ёш авторлар катта ҳажмдаги қўлёзмани редакцияларга олиб келадиларда, «бу ердаги воқеаларнинг ҳаммаси бор гап, кўпинсини ўзим бошимдан кечирганман», деб писанда ҳам қилиб қўядилар. Қўлёзмани ўқиб кўриб унда на бош бор, на охир борлигини англайсиз. Қамраб олинган ҳаёт материали бирор мақсадга бўйсундирилмаганини кўрасиз. Ҳали адабиёт сирини эгаллаб улгурмаган бу хилдаги ёшлар нимаики кўрган бўлса, унинг тасаввурда нимаики қўлда бўлиши мумкин бўлса, уларнинг қоғозга туширилиши бадний асар бўлаберилади деб биладилар. Баъзан танқидчи ва адабиётшунос дўстларимиз мақола ва нутқларида ҳам ҳаётда шундай воқеа бўлиши мумкин, нега у асардан ўрин олиши мумкин эмас?» деган фикрларни ўқиймиз ё эшитамиз. Тўғри, ҳаётда рўй берган ҳар бир ҳодиса бадний асардан ўрин олиши мумкин. Бироқ адабиёт ва санъатнинг ўзига яраша «темир қонун»лари бор. Бадний асарда ҳар бир воқеа, ҳар бир ҳодиса, ёки унда иштирок этиши керак бўлган шахс кузатилган маъно талабига жавоб бериши зарур. Шундагина ҳаёт материали бадний асардан тегишли ўрин олиши мумкин. Урин олганда ҳам ўша маънога мувофиқ ҳолда, баъзан кам тафсилот, баъзан кенг тафсилот билан ўрин олиши мумкин. Афсуски, адабиёт ва санъатнинг шу талабига доим ҳам риоя қила-

вермаймиз. Яқинда машҳур грузин ёзувчиси Григол Абашидзе: «Форма танлаш мен учун бир вақтнинг ўзида ҳам гражданилик бурч, ҳам эстетик вазифа» («Литературная газета», 16 июль 1975 г.) дер экан, у ҳам назаримизда маъно билан шакл бирлигини назарда тутган бўлса керак.

Танланган маънони ҳаддан ташқари чўзиб акс эттириш, шу йўл билан иложи борича асарларни ҳажм жиҳатдан шишириб юбориш ҳозирги адабиётимизга теккан «касал» бўлиб қолди. Бу «касал» шу даражага бориб етдики, ёзувчиларимиз адабиётнинг жанр имкониятлари билан ҳам ҳисоблашиб ўтирмайдиган бўлдилар. Баъзан асарни катта қилиш учун ҳикоялардан иборат қиссалар, қиссалардан иборат романлар яратадилар. Бу ҳикоя ва қиссалар бир жойга йиғилганда маъно бирлиги, одатда, бузулади, ёзувчи ўйлаган муҳим гап суюлади, ширасизланади. Баъзан шундай бўладики, адиб ҳикоя ёзаман деб қўлига қалам олса, асар албатта қисса бўлиб битади. Қисса ёзаман деб қоғозни тўғриласа, албатта роман чиқади. Бордию роман ёзиш ниятига тушиб қолса, умуман уни тўхтатиб бўлмайди. Ҳозир нуқтани қаерда қўйишни билиш маҳоратнинг муҳим масалаларидан бири бўлиб қолди. Маъносизлик, ёхуд танланган маънога нисбатан асарни керагидан ортқча чўзиш фақат насрға хос хусусият эмас. Адабиётнинг бошқа жанрларида ҳам бу ҳол кўзга ташланади. Аслида поэзия чўзиқликни ёқтирмайдиган жанрлардан. Аммо ҳозир газета ва журналларда босилаётган, кейинчалик шоир тўпламларидан ўрин оладиган баъзи шеърлар шу даражада маънога зид равишда чўзиладики, уларнинг ярмини ўқишга ҳам тоқат бўлмайди.

Прозаик ёзувчиларимиз эса аксарият пайтларда темани тўғри танлайдилар, ҳаёт материални ҳам тўғри топадилар, бироқ шу темани, шу материални ифода қилиш йўли устида кунг билан ўйламайдилар. Баъзи ҳикоя, қисса, романлар тема ва ҳаёт материали жиҳатдан реализмнинг ҳамма талабларига жавоб беради, бироқ уларнинг ифодаланиши ҳийла заиф бўлади. Ёзувчиларимиз китобхонни қизиқтириш, сюжет приёملари устида ўйлаб ўтирмайдилар.

Баъзи бир ёзувчиларимиз ҳар бир асар, ҳар бир сюжетнинг ихтиро эканини унутиб қўядилар. Сюжет яратиш масаласида ҳар хил издан чиқишлар кўзга ташланади. Баъзан бу ишда тақлидчилик ҳам сезилиб қолади. Ижодга енгил қарайдиган ёзувчилар бошқа бирор адабиётда оригинал сюжет учратиш қолгудек бўлса, ўшанга тақлид қилиш йўлига ўтадилар. Бундай пайтларда «ёзувчи тайёр сюжет приёмларига бошқача ҳаёт материални тиркайди-да, гўё оригинал асар ёзган бўлади.

Ҳақиқий ёзувчи қайси даврни акс эттирмасин, образларни қай тарзда танламасин у яратган қаҳрамонлар китобхон дилида қандайдир ҳис-туйғулар уйғотади. Асарни ўқиган ҳар бир киши қаҳрамонни ўзининг доимий шеригидек, ҳаёт йўлдошидек ҳис қилади. Оғир кунларда у билан маслаҳатлашгандек, хурсандчилик пайтларида китобий йўлдошини ўзи билан бирга кўраётгандек бўлади. Афсуски, баъзи бир ёзувчиларимиз яратаётган асарлар, улар тасвирлаётган «қаҳрамон»лар шу хилда таъсири ва жозибали эмас. Улар китобхоннинг доимий йўлдоши ва сирдошига айланмайдилар. Яна қизиғи шундаки, бу хилдаги асарларга шундай қарасангиз ҳамма томондан бадий асар талабига жавоб бераётгандек бўлади. Асар қаҳрамонлари қаерларгадир боради, яхши ва ёмон кимсалар билан учрашади, яхшиларга ўзининг ҳайрихоҳлигини билдиради, ёмонлари билан тўқнашиб азоб тортгандек бўлади, ҳатто қурбонлар ҳам бўлади. Бироқ асарни ўзингизни зўрлаб аранг ўқиб чиқасиз, икки кундан кейин ҳаёлингизда ҳеч нима қолмаганини биласиз. Бир-икки ойдан кейин асар ўқиганингизни унутиб ҳам қўясиз. Асардаги масалалар, конфликтлар, ситуациялар ёзувчи

ихтиёри билан тўқилган бўлиб, уларнинг ҳаётий эмаслиги шундай кўзга ташланиб туради.

Ёзувчи маҳоратига тегишли масалалар билан адабий танқид ниҳоятда кам шуғулланмоқда. Аксарият адабий — танқидий ишларда бадний асарни таҳлил қила туриб мазмун билан шакл уйғунлиги масаласини асос қилиб олмайдилар. Асарлар баъзан бир томонлама баҳола-нади. Айрим мунаққидлар асарда акс эттирилаяётган воқеалар хусусида узундан-узун тақриз ва мақолалар ёзадилар. Баъзан эса асарда ишлатилган баъзи бир деталь, эпизод ёки приёмлар хусусида ҳам тафсилотли фикр юритадилар. Бироқ мазмун билан шакл бирлигидан келиб чиқадиган маъно хусусида китобхонни қаноатлантирадиган бирор нарса демайдилар. Баъзан эса адабий-танқидий асарлар маълум бир мақсадни кўзлаб ёзилади. Бундай ҳолларда танқидчининг на маъно билан иши бор, на маҳорат билан. Мунаққид асарни тилга олади-да адабиётшуносликда бор бўлган дабдабали ибора ва терминларни ишга солиб, асарни кўкларга кўтариб мақтайди. Яна шунинг учун афсусингиз ортадики, бу хилдаги тақриз ва мақолаларни йирик илмий даража ва унвон эгалари бўлмиш олимларимиз ёзадилар. Бунинг сабаби иккитадан бири — ё ғараз, ё эстетик дидсизлик. Шундай қилиб, бу адабий жанрдаги касал иккинчи адабий жанрга ҳам ўтади ва умум кўламда адабиётимизга путур етказлади.

Баъзи ўртоқлар, шакл масалаларини назар-писанд қилмасдан бадний асар ҳажм жиҳатдан катта бўлса бўлибди-да, тажрибаси кам ёзувчилар бир-икки марта тақлид қилса қилибди-да, ясамачилар баъзи масала ёки эпизодни тўқиса тўқибдида, шунга ҳам «ота гури қозихонами» дейишлари мумкин. Бизнинг назаримизда безовта бўлиш, овоза қилиш зарур. Биринчидан, адабиёт ва санъат — ортиқчаликни ҳазм қила олмайди. Бадний асар аввало унда ҳажм билан маънонинг уйғунлиги билан нафис. Бу уйғунлик йўқ жойда унинг нафислиги бузилади. Иккинчидан, уйғунлик қонунияти бузилган ҳар бир асар китобхон дидини айнатади. Учинчидан, мазмун билан шакл уйғунлиги бузилган асарларнинг пайдо бўлиши инсон маданий ҳаётида катта ютуқ ҳисобланган социалистик реализм методининг обрўйига путур етказди: Дунё адабиётининг кўпгина жабҳаларида қонуний ўрин олаётган бу метод душманлари, ўзларининг ноҳақ даъволарици мазмун билан шакл уйғунлигига тўла амал қилинмаган асарлар асосида тўқийдилар. Шу маънода бадний жиҳатдан сазъ асарлар душманларимизга озуқа беради, оқибат адабиёт ва санъатимиз тараққиети учун энг ҳаётбахш метод бўлмиш социалистик реализмга иснод келтиради.

Ўзбек совет адабиётининг 50 йилдан ошаётган тарихи кўрсатадики, шакл билан мазмун орадаги уйғунлик таъминланган пайтларда ёзувчиларимиз катта ютуқларни қўлга киритди. Адабиётимизнинг фахри бўлган яхши асарлар худди шундай пайтларда майдонга келган ва майдонга келмоқда. Бу хилдаги асарларнинг яратилиши мазмундан интернационал, шаклдан миллий адабиётнинг тўла шаклланишидан, социалистик реализм методининг ҳамма принциплари тўла талаба қозонганидан дарак беради. Бироқ социалистик реализм ғалабаси ҳамма ёзувчилар ҳам доим мазмун билан шакл уйғунлигини таъмин қиладиган асарлар ярата беради, деган гап эмас. Бу методдан ўзини баҳраманд ҳисоблайдиган, бироқ унинг моҳиятини тўғри тушуна олмайдиган баъзи бир авторларимиз бадний жиҳатдан заиф, бинобарин, ғоявий жиҳатдан ҳам ноетук асарлар яратиб қўядилар. Ўзбек совет адабиёти шунини кўрсатадики, адабиётимиз қиёфасини, социалистик реализм методи фазилатини чала туғилган асарлар эмас, балки истеъдод билан яратилган ижод маҳсуллари белгилайди.

Л. Г. ТЕТЕНЕВА

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА УЗБЕКИСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что «рабочий класс — это самый многочисленный класс нашего общества... Рабочий класс был и остается основной производительной силой общества. Его революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм определяют его ведущее положение в системе социалистических общественных отношений»¹.

Активно воздействуя на все сферы жизни нашего зрелого социалистического общества, советский рабочий класс, в свою очередь, непрерывно изменяется в количественном и качественном отношении.

Один из наиболее существенных показателей прогрессивных изменений в развитии рабочего класса СССР — неуклонный рост его численности, увеличение удельного веса среди всего населения, в том числе занятого. В. И. Ленин считал количественный рост рабочего класса важным условием осуществления его исторической миссии создателя нового общественного строя, новых, коммунистических отношений. Быстрый рост численности рабочего класса во многом определяет возрастание его ведущей роли в жизни советского общества. А именно в этом и состоит ныне одна из главнейших задач социальной политики Коммунистической партии, усилия которой, как указывалось на XXIV съезде КПСС, «и впредь будут направлены на то, чтобы влияние рабочего класса во всех сферах жизни нашего общества росло и укреплялось, чтобы его активность и инициатива приносили еще более плодотворные результаты»².

В 1940 г. в народном хозяйстве УзССР было занято 756,3 тыс. рабочих и служащих³, в 1950 г. — 889,1 тыс.⁴ (увеличение на 132,8 тыс.), в 1960 г. — 1565,2 тыс. (676,1 тыс.), в 1970 г. — 2679,6 тыс. (1114,4 тыс.)⁵. Следовательно, один лишь прирост рабочих и служащих за указанные годы превысил 350%.

Характерно, что в 1970 г. среди рабочих и служащих УзССР рабочие (включая младший обслуживающий персонал и работников охра-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 73.

² Там же.

³ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1972 г. Статистический ежегодник, Ташкент, 1973, стр. 226.

⁴ Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет. Сборник статистических материалов, Ташкент, 1967, стр. 179.

⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 г. Статистический ежегодник, Ташкент, 1971, стр. 201.

ны) составляли 87% (1815 тыс. человек), тогда как в 1965 г.— 68% (1427 тыс.), а в 1940 г.— 65% (492,0 тыс.)⁶.

Эта закономерность развития рабочего класса Узбекистана на отдельных этапах проявлялась в различных модификациях, в зависимости от конкретных социально-экономических задач и особенностей исходных уровней их решения. Показателем прежде всего нарастающий прирост рабочих и служащих на каждом новом этапе: 132,8 тыс. человек за 1940—1950 гг., 676,1 тыс.— за 1950—1960 гг. и 1114,4 тыс. за 1960—1970 гг. Причем наибольший прирост рабочих и служащих (1790,5 тыс.) приходится на период построенного и развитого социализма, что связано с особенно высокими темпами индустриального развития и социалистической урбанизации.

Некоторое снижение численности рабочих и служащих, по вполне понятным причинам, отмечалось лишь в годы Великой Отечественной войны (на 67,2 тыс. человек)⁷. Понесенные потери, однако, были быстро восполнены уже в первую послевоенную пятилетку, когда среднегодовой прирост рабочих и служащих в УзССР составил 40 тыс. человек.

В среднем за 1940—1970 гг. ряды рабочих и служащих Узбекистана ежегодно пополнялись более чем на 64 тыс. человек.

Высокий абсолютный рост численности рабочих и служащих республики — закономерный результат политики КПСС, направленной на преимущественное развитие восточных районов страны в целях выравнивания уровней их развития на основе опережающих темпов роста экономики, в первую очередь индустрии.

Для Узбекистана, как и всего среднеазиатского региона, характерен относительно более быстрый рост численности рабочих и служащих, чем по Союзу в целом. Если за 1926—1959 гг. количество рабочих и служащих по СССР увеличилось в 6 раз, то в республиках Средней Азии (включая Узбекистан) — в 10 раз⁸. Аналогичная тенденция наблюдается и в последующие годы. С 1960 по 1968 г. число рабочих и служащих в УзССР выросло на 55%, по СССР — на 37%⁹. Это постепенно вело к повышению удельного веса рабочего класса в республике и его доли в общесоюзном балансе трудовых ресурсов страны, что способствовало более правильному региональному размещению производительных сил. К 1970 г. их удельный вес среди занятого населения УзССР поднялся до 68,7% вместо 54,1% в 1959 г.¹⁰ и 32,2% в 1939 г.¹¹

Ведущее место в народном хозяйстве Узбекистана как по абсолютным цифрам, так и по удельному весу рабочих и служащих занимает промышленность. Если в 1958 г. в промышленности УзССР работало 299,8 тыс. человек, в строительстве — 110,2 тыс., на транспорте — 117,7 тыс.¹², то в 1970 г.— соответственно 583,0, 270,0 и 219,8 тыс. человек¹³. Удельный вес рабочего класса только ведущих отраслей материального производства составил, таким образом, 48,9% (против 45,8% в 1959 г.) всего занятого населения республики¹⁴.

⁶ Народное хозяйство СССР, 1922—1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник, М., 1972, стр. 549.

⁷ См. «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1972 г.», стр. 226; «Народное хозяйство Узбекской ССР в 1958 г.», Ташкент, 1959, стр. 149.

⁸ История Узбекской ССР, т. IV, Ташкент, 1968, стр. 260.

⁹ Вопросы истории КПСС, 1971, № 7, стр. 24.

¹⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, М., 1973, стр. 43 (подсчет наш.— Л. Т.).

¹¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР, М., 1962, стр. 43.

¹² Народное хозяйство Узбекской ССР в 1968 г., Ташкент, 1969, стр. 150.

¹³ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 г., стр. 201.

¹⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. V, стр. 297.

К этому времени 80,5% состава рабочего класса приходилось на его ядро — высококвалифицированных индустриальных рабочих. В основе их количественного роста лежат те же закономерности и особенности, которые характерны для развития современного советского рабочего класса вообще. Если в 1940 г. рабочий класс Узбекистана (включая весь промышленно-производственный персонал) насчитывал в своих рядах 181,5 тыс. человек, в 1960 г.—370,5 тыс., а в 1970 г.—579,3 тыс., то среди них собственно рабочие составляли соответственно 134,9, 307,7 и 466,4 тыс. человек¹⁵.

Наивысший прирост индустриального рабочего класса (в среднем ежегодно по 86,4 тыс. человек) отмечался в 1940—1960 гг., что объективно определялось закономерностями развития расширенного воспроизводства, необходимостью восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства УзССР, задачами завершения строительства социализма и создания экономических основ для построения коммунизма.

В эти годы произошли серьезные сдвиги и в отраслевом составе промышленных рабочих. Особенно заметными были они в период Великой Отечественной войны. Промышленное производство, как и другие отрасли экономики республики, с первых же дней войны стало переводиться на выпуск военной продукции. Основная масса рабочих была мобилизована на фронт. Кроме того, в Узбекистане были размещены десятки крупных эвакуированных промышленных предприятий, укомплектованных рабочей силой лишь на 10—15%¹⁶. Все это обостряло вопросы обеспечения промышленности рабочими кадрами, изыскания новых источников их пополнения, т. е. внутриотраслевого перераспределения рабочей силы.

Потребовались немалые усилия партийных и советских органов, чтобы не только успешно решить эту задачу, но и приступить еще в ходе войны (начиная со второй ее половины) к планомерному отраслевому перераспределению и переподготовке рабочих кадров для промышленности, частично уже переходившей на выпуск гражданской продукции. При этом учитывались также перспективы развития промышленности республики в послевоенный период, в первую очередь потребности таких крупных промышленных объектов, как Узбекский металлургический завод, заводы «Средазхиммаш», «Таштекстильмаш», «Чирчиксельмаш», «Узбексельмаш» и др. На это указывают и данные об изменении направленности в подготовке квалифицированных кадров в системе государственных трудовых резервов УзССР. Если в 1942 г. здесь было подготовлено 12,4 тыс. рабочих-металлистов, в 1943 г.—19,6 тыс., то в 1944 г. число их снизилось до 5,5 тыс., а в 1945 г.—до 3,5 тыс. человек. В то же время количество подготовленных текстильщиков в 1943 г. составляло 83, в 1944 г.—621, а в 1945 г.—2,3 тыс. человек¹⁷.

Для первых послевоенных лет характерно перераспределение трудовых ресурсов в пользу гражданской промышленности, причем значительно улучшились обеспеченность и использование рабочей силы в отраслях производства группы «Б» (легкой, пищевой и др.).

Известное влияние на отраслевой состав рабочего класса УзССР оказали эвакуация части промышленных предприятий и закрепленных за ними рабочих; помощь нашей республики рабочими и специалистами в восстановлении разрушенной в годы войны экономики брат-

¹⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1972 г., стр. 38.

¹⁶ Партия в Ташкентского ОК КПУз, ф. 18, оп. 28, д. 30, л. 25.

¹⁷ ПА УзФИМЛ, ф. 15, оп. 16, д. 223, л. 303.

ских республик; нарастающий размах индустриального строительства и ввод в действие новых промышленных гигантов (Фархадская ГЭС, Ангренская ГРЭС, Алмалыкский горнометаллургический комбинат, Ферганский нефтеперерабатывающий завод и др.). Все это обусловило небывало высокие темпы среднегодового прироста численности промышленных рабочих.

Однако с середины 50-х годов и особенно в 60-е годы относительное значение прироста численности рабочего класса заметно снизилось. Кроме того, обнаружилась тенденция и к снижению абсолютной величины прироста. Если в 1956—1960 гг. численность промышленного рабочего класса Узбекистана увеличилась на 102,7 тыс. человек, то в 1960—1965 гг. — на 95 тыс., а в 1965—1970 гг. — всего на 61,7 тыс. человек¹⁸.

Падение темпов роста численности индустриальных рабочих (несмотря на постоянное расширение производства) вполне закономерно в условиях неуклонного повышения уровня механизации и автоматизации промышленного производства как характернейшей черты современного научно-технического прогресса.

Правомерным следствием линии партии на усиление эффективности общественного производства, его интенсификацию путем технического прогресса и повышения производительности труда стало постепенное снижение темпов роста численности рабочего класса. Наивысшими они были, как уже отмечалось, в 1945—1950 гг. (11,4%); в 1954—1958 гг. они уменьшились до 4,7%¹⁹, в 1961—1965 гг. поднялись до 5,8% (в связи с переходом в ряды рабочих 44,6 тыс. членов промкооперации и части рабочих ремонтных мастерских после их реорганизации в 1961 г.)²⁰, а затем вновь снизились, составив в 1966—1970 гг. в среднем 3,4% в год²¹.

Оказывая положительное влияние на повышение производительности труда, увеличение объема промышленной продукции при сокращении потребностей в дополнительной рабочей силе, научно-технический прогресс вместе с тем стимулировал преимущественный рост тех отрядов промышленных рабочих, которые связаны с прогрессивным изменением отраслевой структуры производства, развитием отраслей, определяющих современный технический прогресс. Развитие рабочего класса Узбекистана в 1940—1970 гг. характеризуется прежде всего постоянным повышением их численности и удельного веса в отраслях промышленности, производящих средства производства, отличающихся высокомеханизованным индустриальным характером труда, высокой концентрацией рабочих на производстве. В 1955 г. в тяжелой индустрии УзССР было сосредоточено свыше 40% всех рабочих республики. На машиностроительных заводах Ташкента было занято почти 43% промышленных рабочих города (40,6 тыс. из 94,4 тыс.)²². В 1960 г. на долю отраслей тяжелой промышленности приходилось 47,3% промышленных кадров республики, в 1965 г. — 56% и т. д.

Основной сферой приложения их труда стали машиностроение и металлообработка, где в 1970 г. было сосредоточено более трети промышленных рабочих (131,4 тыс. из 466,4 тыс. человек), черная и цвет-

¹⁸ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1972 г., стр. 38; Рабочий класс Узбекистана, т. II, Ташкент, 1965, стр. 321 (подсчет наш.—Л. Т.).

¹⁹ Рабочий класс СССР, 1951—1965 гг., М., 1969, стр. 118.

²⁰ Советский Узбекистан за 40 лет. Статистический сборник, Ташкент, 1964, стр. 264.

²¹ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1970 г., стр. 201.

²² История рабочего класса Узбекистана, т. II, стр. 321.

ная металлургия (20,2 тыс.), электроэнергетика (13,5 тыс. человек)²³. Увеличилась доля рабочих промышленности строительных материалов (11,2% в 1970 г. вместо 10,5% в 1960 г.)²⁴, химической и нефтехимической (соответственно 3,7 против 2,9%)²⁵ промышленности и т. д. Вместе с тем технический прогресс и первоочередной подъем производства средств производства определили при абсолютном росте рабочих во всех отраслях планомерное снижение их доли в отраслях легкой (с 43,0% в 1940 г.²⁶ до 34,5% в 1960 г. и 29,6% в 1970 г.²⁷) и пищевой промышленности (соответственно с 24,0%²⁸ до 12,2 и 10,2%²⁹).

Между тем темпы численного роста рабочих в указанных отраслях были выше, чем в отраслях тяжелой промышленности, тогда как темпы роста общего объема продукции, а следовательно, и производительности труда были гораздо ниже. Так, если во всех отраслях промышленности Узбекистана численность рабочих с 1960 по 1970 г. увеличилась на 63%, а выпуск валовой продукции — на 203%, опередив темпы роста количества рабочих в 3,2 раза, то в черной и цветной металлургии за те же годы при росте количества рабочих на 49% объем продукции увеличился на 649% (соотношение темпов роста 1:13,2), в машиностроении и металлообработке при росте количества рабочих на 58% валовая продукция увеличилась на 324% (соотношение 1:5,6), а в легкой промышленности — соответственно 76 и 139% (1:1,8), пищевой — 79 и 163% (1:2) и т. д.³⁰

Значительно меньшими в указанные годы были здесь и темпы роста производительности труда — в легкой промышленности 111%, в пищевой — 138, тогда как в электроэнергетической промышленности — 294, машиностроении и металлообработке — 295, химической промышленности — 298, черной и цветной металлургии — 408%³¹.

Темпы количественного роста рабочего класса в различных отраслях промышленности находились, таким образом, в теснейшей зависимости от состояния и уровня научно-технического прогресса на производстве. Сужая границы применения ручного труда, создавая предпосылки для замены машинного производства комплексно механизированным, научно-технический прогресс позволяет резко увеличивать масштабы производства, не вовлекая в него большого числа рабочих. Это особенно относится к отраслям тяжелой индустрии. Неслучайно в Узбекистане, как и во всей стране, в отраслях группы «А» темпы роста численности рабочих были в 1,5–2 раза ниже, чем в отраслях группы «Б».

В дальнейшем, по мере создания комплексно механизированного, автоматизированного производства, снижения темпов роста численности рабочего класса следует ожидать и в отраслях легкой индустрии. Эта тенденция уже проявляется, например, в таких отраслях, как трикотажная промышленность, где темпы роста валовой продукции с 1960 по 1970 г. опередили темпы роста численности рабочих в 6,8 раза³².

Процесс частичного высвобождения рабочей силы из ряда традиционных отраслей при росте объема их продукции под влиянием науч-

²³ Народное хозяйство Узбекистана в 1972 г., стр. 40.

²⁴ Там же (подсчет наш.—Л. Т.).

²⁵ Там же, стр. 40.

²⁶ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1958 г., стр. 32.

²⁷ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1972 г., стр. 40.

²⁸ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1958 г., стр. 32.

²⁹ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1972 г., стр. 40 (подсчет наш.—Л. Т.).

³⁰ Там же, стр. 34–35, 40 (подсчет наш.—Л. Т.).

³¹ Там же, стр. 42, 43.

³² Там же, стр. 35, 40 (подсчет наш.—Л. Т.).

но-технического прогресса сопровождается неизбежным переливом рабочих в новые, более прогрессивные отрасли промышленности. Наряду с этим осуществляется и перераспределение работников между отраслями всего народного хозяйства, в том числе производственной и непроизводственной сферами. Все эти важные количественные и качественные изменения в составе рабочего класса СССР, в частности Узбекистана, требуют глубокого анализа и освещения в нашей экономической, социологической, исторической, демографической и этнографической литературе.

Л. Г. Тетенева

**ҲОЗИРГИ ДАВРДА ЎЗБЕКИСТОНДА ИШЧИЛАР
СИНФИННИНГ СОНИ ДИНАМИКАСИ**

Ушбу мақолада ҳозирги даврда республикамиз ишчилар синфининг сони динамикаси ҳақида гап боради.

П. НАСЫРОВ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В ОТРАСЛЯХ ХЛОПКОВОГО КОМПЛЕКСА

На современном этапе развитого социализма огромное значение имеет сложная и многогранная проблема эффективности общественного производства, повышению которой уделили много внимания XXIII и XXIV съезды партии и последующие Пленумы ЦК КПСС. Важнейшую роль в этом деле играет дальнейшее совершенствование экономических методов управления народным хозяйством, что предполагает и кардинальное совершенствование механизма планового ценообразования.

Здесь мы остановимся на некоторых актуальных вопросах совершенствования системы оптовых цен в отраслях хлопкового комплекса, исходя из того положения, что если нет обоснованных цен, то и экономические расчеты становятся недостаточно надежными, а это, в свою очередь, способствует принятию субъективных решений¹.

Для правильной постановки и эффективного использования цен в качестве планового рычага экономического управления необходимо прежде всего принятие таких цен, которые адекватно отражают измеряемые величины. Использование цен в функции экономического рычага связано с возможностью отклонения их от стоимости, но для этого необходимо знать величину общественно необходимых затрат труда (ОНЗТ). Поэтому, на наш взгляд, объективная необходимость использования цен в качестве планового рычага экономического управления (посредством перераспределительной и стимулирующей их функций) определяется и ограничивается в пределах тех величин, которые верно отражают реальные затраты труда и результаты производства.

Построение системы оптовых цен, адекватно отражающих измеряемые величины, составляет народнохозяйственный аспект их совершенствования.

Плановая цена есть форма стоимости, а потому ее величина должна совпадать и выражать реальный объем затрат и результатов, что дает возможность всемерного роста эффективности общественного производства «сверху» — через выбор оптимальных направлений развития, размещения и т. п. Современные концепции планового ценообразования исходят, как правило, из того, что себестоимость как часть цены дается через среднеотраслевую ее величину и что определение ее не составляет сложности, ибо она формируется «объективно». Это предполагает такой процесс формирования цен и себестоимости, когда они связаны цепью «причина — следствие», т. е. тенденции себестоимости выступают причиной тенденций цен. Однако цена и себестоимость не связаны

¹ Материалы сентябрьского 1965 г. Пленума ЦК КПСС, М., 1965, стр. 39.

односторонне, и такое рассмотрение их методически не совсем верно.

Каузальный подход к себестоимости и цене применим лишь при рассмотрении этих категорий с позиций хозрасчета, на уровне предприятий и их объединений. Народнохозяйственный аспект этой проблемы требует системного подхода, с позиций которого цена и себестоимость связаны прямой и обратной связью.

В условиях динамического развития экономики, при наличии развитых товарно-денежных отношений и централизованного руководства народным хозяйством первоначально задается цена, а не себестоимость. Процесс ценообразования протекает на уровне народного хозяйства, цены формируются «сверху», в планомерном порядке и корректируются «снизу», через изменения эффективности «индивидуальных» производств.

Абсолютная, полная планомерность лишь тогда соответствует своему названию, когда она отвечает общественным потребностям. Однако в условиях товарно-денежных отношений общественные потребности не выступают в прямой форме. Они модифицируются, и на поверхности явления выступает платежеспособный спрос. Поэтому приходится различать такие категории, как общественное производство — товарное предложение и общественные потребности — платежеспособный спрос; на поверхности экономических явлений — товарное предложение и платежеспособный спрос, а соответственно — их объем и структуру.

Отсюда возникает вопрос, что означает полная планомерность? Что, строго говоря, мы должны планировать и какого соответствия мы должны достичь, чтобы с полным основанием говорить об абсолютной планомерности развития экономики? Эти вопросы, на наш взгляд, наиболее важны и сложны; однозначного решения их мы не видим. Здесь эта проблема затрагивается лишь в той части, которая необходима для выяснения роли цен в повышении эффективности общественного производства.

Если современное производство полностью планомерно и учитывает все общественные потребности, то через цены необходимо возместить все затраты агентов производства. Как заметил Н. Я. Петраков, «цена должна обеспечить хозрасчетные условия всем нормально работающим предприятиям, т. е. предприятиям, продукция которых необходима для покрытия общественных потребностей при реально сложившихся условиях воспроизводства»².

В данном случае речь идет об ориентировании цен на затраты замыкающих предприятий. Но эти затраты сами зависят от сложившихся цен. Поэтому возникает возможность «снижения» себестоимости не только «снизу», т. е. через повышение эффективности производства, но и «сверху» — через установление цен ниже стоимости. Тогда, однако, необходимо повысить цены на других «участках», ибо все затраты народного хозяйства должны быть возмещены.

Как видно, роль и место себестоимости в планомерном ценообразовании далеко не так просто установить и регулировать. Совершенствование цен с позиций народного хозяйства предполагает их соответствие реальным затратам и результатам, что требует, в свою очередь, определения базы для самой себестоимости.

Утверждение о том, что в условиях социализма базой цен выступает среднеотраслевая себестоимость, не совсем верно. Продукция предприятий, включенных в план по «экономическим соображениям», долж-

² Н. Я. Петраков. Некоторые аспекты дискуссии об экономических методах хозяйствования, М., 1966, стр. 88.

на быть рентабельной. Ориентирование же на среднеотраслевую себестоимость предполагает и допускает нерентабельное производство, что противоречит самим основам планомерности и порождает ряд противоречий в условиях хозяйственной реформы.

Одно из главных направлений совершенствования плановых цен с позиций народного хозяйства — выбор себестоимости для обоснования уровня цен. В качестве расчетной базы цен можно принять один из трех видов себестоимости: самую высокую по отрасли (затраты замыкающих предприятий), среднеотраслевую и самую низкую.

Среднеотраслевая и наиболее низкая себестоимость в качестве расчетной базы цен не могут быть использованы в принципе, если исходить из того, что производство в условиях социализма абсолютно планомерно и обеспечивает полное соответствие объема и структуры производства объему и структуре потребностей. В этих условиях можно и нужно обеспечить соответствие цен и стоимостей, себестоимости и реальных затрат, прибыли и прибавочной стоимости, и единственно верным будет ориентирование цен на затраты замыкающих предприятий, включенных в план по «экономическим соображениям».

В реальности, на наш взгляд, такой пропорциональности производства и потребностей не достигнуто, равно как и соответствия модифицированных форм — товарного предложения и платежеспособного спроса. Это вызвано, как нам представляется, и ценовыми диспропорциями. Поэтому при выборе базы себестоимости в современных условиях надо подходить дифференцированно к тем или иным видам продукции.

Ориентация цен на затраты замыкающих предприятий в своей основе верна, и трудно согласиться с мнением, что цены, установленные исходя из наиболее высокой себестоимости отрасли, вызовут цепное повышение цен во всех отраслях народного хозяйства, и в итоге убыточные предприятия останутся убыточными, а прибыльные — прибыльными.

При сложившейся системе цен дифференциация себестоимости по отраслям неравномерна. Развитие в технико-экономическом отношении отрасли, как правило, имеют меньшие колебания себестоимости. В добывающих же отраслях индустрии, хлопководстве и хлопкопотребляющих отраслях промышленности наблюдаются резкие различия в себестоимости продукции. Значит, при ориентации цен на наибольшую себестоимость повышение цен будет неравномерным по отраслям. В технически развитых отраслях, менее связанных с природными факторами, произойдет незначительное повышение цен, а в отраслях с резкими колебаниями себестоимости цены возрастут в значительной мере.

Означает ли сказанное, что цепная связь цен выступает главным препятствием для построения цен, соответствующих реальным затратам и результатам? И правомерно ли вообще ставить вопрос в таком плане? На наш взгляд, цепная связь цен не может и не должна служить препятствием для обеспечения адекватного отражения ценами ОНЗТ. Это подтверждается тем, что проведенная в стране реформа оптовых цен была связана прежде всего с пересмотром цен на уголь, т. е. топливо, потребляемое почти всеми отраслями народного хозяйства. При этом цепная связь цен действительно коснулась почти всех отраслей промышленности и тем не менее пересмотр цен был осуществлен, ибо потеря ориентира и критерия развития через ценовые диспропорции грозила гораздо большим реальным ущербом. Вторым доводом служит то, что в результате пересмотра цен на уголь и другие виды топлива рост цен по отраслям шел неравномерно. Например, при росте цен по добывающим отраслям промышленности в целом на 48,5%, по черной ме-

таллургии они повысились на 40,5%, по газовой — в 5 раз, угольной — на 63,9% и т. д.³

Ориентирование цен на затраты замыкающих предприятий представляется нам одним из главных направлений в дальнейшем совершенствовании плановых цен, имеющим народнохозяйственное значение. В этом аспекте система цен, сложившаяся в отраслях хлопкового комплекса, нуждается в существенном совершенствовании. Это касается прежде всего цен на продукцию хлопководства.

Наши исследования показали, что себестоимость и чистый доход (прибыль) в хлопководстве не только не совпадают, но и формируются в противоположных направлениях по отношению к реальным затратам и результатам. Отсюда вытекает необходимость совершенствования цен на продукцию отраслей хлопкового комплекса.

Оптовые цены на продукцию хлопкоснабжающих отраслей следует совершенствовать, на наш взгляд, в следующем направлении. Отпускные цены (так именуется оптовые цены на промышленную продукцию, потребляемую хлопководством и другими отраслями сельского хозяйства) надо повысить до их общественно необходимого уровня. В таком случае финансово-кредитные органы освободятся от возмещения разницы в ценах сбыторганизации «Союзсельхозтехника». Это вызовет, конечно, соответствующий рост себестоимости хлопка-сырца, подлежащий включению в закупочные цены. Далее, поливная вода, отпускаемая водохозяйственными организациями бесплатно, также должна, по нашему мнению, найти отражение в себестоимости, т. е. необходимо ввести плату за воду. Мы считаем, что платность воды имеет не только народнохозяйственное значение как необходимый момент учета всех затрат, но и значение хозрасчетного рычага экономного ее использования, что весьма важно в условиях ограниченности ресурсов поливной воды.

В свое время колхозы Узбекистана выплачивали определенные суммы за пользование водой. Этот фактор существенно улучшил показатели водопользования, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные⁴ о расходе воды (брутто) на 1 га поливных площадей, тыс. м³.

Области	До введения платы за воду, 1948—1949 гг., в среднем	После введения платы за воду, 1950—1955 гг., в среднем	Эффективность водопользования, 1950—1955 гг., в % к 1948—1949 гг.
Ташкентская	18,2	11,8	65,0
Ферганская	14,7	9,5	64,5
Андижанская	20,0	9,4	47,2
Самаркандская	12,1	7,6	62,9
Бухарская	12,1	10,1	84,0
Кашкардарьинская	8,0	5,3	66,0
Сурхандарьинская	21,6	12,7	58,7
Хорезмская	20,7	12,4	59,0
КК АССР	26,2	16,4	63,0
В среднем по УзССР	17,0	10,5	62,0

Вопрос о размере платы за воду выходит за пределы данной статьи, но, на наш взгляд, главным ориентиром при сложившихся ценах должны служить эксплуатационные затраты водохозяйственных организаций с учетом амортизации. Плата за воду должна возместить все затраты этих органов и обеспечить условия для их хозрасчетной деятельности.

³ К. Н. Плотников и А. С. Гусаров. Современные проблемы теории и практики планового ценообразования, М., 1971, стр. 154.

⁴ Рассчитано по данным Министерства мелiorации и водного хозяйства УзССР.

Перевод водохозяйственных организаций на новые условия хозяйствования станет мощным стимулом дальнейшего повышения эффективности этой отрасли. Государственный бюджет будет освобожден от содержания водохозяйственных организаций, а себестоимость хлопко-сырца возрастет примерно на 10—15%.

Учет через механизм цен всех реальных затрат народного хозяйства на развитие хлопководства и отражение их в себестоимости сырца, разумеется, повысит последнюю. Но это повышение себестоимости хлопка не означает действительного роста затрат народного хозяйства, ибо они фиксированы не в ценностных символах, а в реальных материально-вещественных «оболочках». Учтем мы их через цены или нет, они сохраняют свою реальность, не увеличиваясь и не уменьшаясь.

Отражение всех фактических затрат народного хозяйства через ценовой механизм повысит себестоимость валовой продукции хлопководства, в расчете на объем производства в 1970—1974 гг., в пределах 35—40%. Но на такую же сумму уменьшатся расходы госбюджета на возмещение не учитываемых ныне затрат. Стало быть, интересы бюджета и народного хозяйства в целом будут соблюдены в полной мере.

Очевидно, рост себестоимости хлопка-сырца отразится на хозяйственных интересах хлопководства, и возникнет проблема обеспечения соответствия народнохозяйственных и отраслевых интересов. Придется повысить закупочные цены на хлопок-сырец, а также оптовые цены на продукты его промышленной переработки. Уменьшатся ли при этом доходы государственного бюджета? Очевидно, нет. В данном случае речь идет о чисто перераспределительных процессах, осуществляемых в обратном направлении, т. е. речь идет не о перераспределении стоимости через ценовой механизм, а о воссоздании ее путем соединения перераспределенных частей стоимости. Еще раз подчеркиваем, что реальные затраты и результаты народного хозяйства выражаются не формальными, ценовыми показателями, а действительными, материально-вещественными затратами и результатами.

Обеспечение соответствия цен фактическим объемам затрат и результатов — главный путь совершенствования плановых цен с позиций народного хозяйства. Возможное решение этой проблемы раскрывается в приведенной ниже схеме, построенной путем укрупненного агрегирования, в целом соответствующего тенденциям формирования общественной стоимости продуктов отраслей хлопкового комплекса (руб., цифры условные)⁵.

	<i>По действующей схеме</i>		<i>По предлагаемому варианту</i>	
Себестоимость 1 т хлопка-сырца		400	400	
Реализованный чистый доход		110	110	
Недореализованный чистый доход		—	890	
Закупочная цена 1 т хлопка-сырца		510	1400	
Себестоимость волокна, выработанного из 1 т хлопка-сырца (цена сырья 510 + дополнительные затраты 35)		545	1435	
Прибыль хлопковой промышленности		100	100	
Оптовая цена волокна, полученного из 1 т хлопка		645	1535	
Себестоимость хлопчатобумажных тканей, произведенных из 1 т хлопка-сырца (цена волокна 645 + дополнительные затраты 45)		690	1580	
Прибыль отрасли		210	210	
Налог с оборота		870	—	
Розничная цена ткани, полученной от переработки 1 т хлопка-сырца		1790	1790	

⁵ При построении схемы условно принято, что весь налог с оборота, произведенный в хлопководстве, реализуется в хлопчатобумажной промышленности.

При всей условности приведенных цифр они соответствуют реальным соотношениям сложившихся цен, отклонение может составить $\pm 5-10\%$ от действующих цен. Суть, однако, не в этом. Главное в том, что в схеме с наибольшей отчетливостью проявляются ценовые диспропорции, ликвидация которых практически возможна и теоретически обоснована. Из схемы видно также, что формирование государственного бюджета (890 руб. на каждую тонну хлопка-сырца) сохраняется в прежнем объеме, как и величина розничных цен. Этот момент наиболее важен в обосновании необходимости поэтапного перехода к предлагаемому варианту учета затрат и результатов в отраслях хлопкового комплекса.

Дальнейшее развитие и совершенствование планового ценообразования экономически целесообразно осуществлять по приведенной модели, ибо как отраслевой и региональный, так и народнохозяйственный аспекты совершенствования механизма цен совпадают при данной модели системы оптовых цен. Проведенная в 1966—1967 гг. реформа оптовых цен положила начало их совершенствованию в этом направлении и предполагает в конечном итоге адекватное отражение реальных затрат и результатов.

Народнохозяйственный аспект совершенствования системы оптовых цен предусматривает и проблему франкирования, ибо уровень экономической обоснованности оптовых цен во многом предопределяется методикой установления транспортных тарифов.

Установление цен на «продукцию» транспорта (тарифы) — процесс не менее сложный, чем в других отраслях народного хозяйства. Сложность эта вызвана не только многообразием, различными условиями осуществления перевозок, но прежде всего тем, что вопрос франкирования является самостоятельным в специфической отрасли народного хозяйства и что франкирование — это проблема экономических связей производителей и потребителей продукции. Следовательно, решение ее должно предусматривать интересы самого транспорта (возмещение всех затрат и обеспечение общественно нормальной рентабельности), интересы производителей и потребителей, а также народного хозяйства в целом.

Постановка проблемы франкирования оптовых цен на продукцию отраслей хлопкового комплекса принадлежит И. И. Искандеру. Чтобы правильно отразить реальные затраты транспорта по перевозке грузов и обеспечить объективные соотношения между ценами на транспортную продукцию и продукцией промышленности и хлопководства, тарифы должны быть построены на общей для всего народного хозяйства основе.

Построение цен по типу франко-станция назначения приводит к таким парадоксам, что, скажем, Таштекстилькомбинат, получающий волокно из близрасположенного хлопкозавода, и предприятия, например Москвы, оплачивают равную цену за 1 т волокна. Способствует ли это выравниванию затрат у них, как утверждают отдельные экономисты⁶? На наш взгляд, не способствует. Во-первых, речь должна идти не о формальных величинах, а о реальных материально-вещественных затратах; во-вторых, уровень себестоимости определяется не только ценами на сырье. Если хлопчатобумажные предприятия получают волокно по единым ценам, то другие виды продуктов дифференцированы по поясам, существуют поясные коэффициенты зарплаты и т. д.

⁶ К. Н. Плотников и А. С. Гусаров. Указ. соч., стр. 224.

Следовательно, путем установления цен франко-станция назначения выравнивания затрат не происходит, а наоборот, они резко дифференцируются, как заметил И. И. Искандеров, «превращая продукцию, производимую в отдаленных районах, в более дешевую по сравнению с действительными затратами, а продукцию местного производства, перевозимую на небольшие расстояния, в более дорогую»⁷. Примечательно в этом отношении и исследование В. А. Первушина, где проанализированы последствия применения двух типов франкирования и установлено, что применение единых цен франко-станция назначения на сырье уничтожает экономический критерий рационального размещения предприятий⁸.

Независимо от специфики отраслей цены франко-назначения не достигают той цели, ради которой они в основном и были введены,— выравнивания затрат перерабатывающих отраслей промышленности.

Оптовые цены франко-назначения на хлопок-волокно без дифференциации по поясам вносят существенные искажения в ценовые соотношения, уничтожают критерий и ориентир в адекватном отражении реальных затрат и результатов в отраслях хлопкового комплекса, не устраняют, а еще более искажают и углубляют разнорентабельность хлопчатобумажных предприятий. Цены франко-станция назначения не соответствуют реальным процессам формирования ОНЗТ на транспорте, в отраслях хлопкового комплекса и народном хозяйстве в целом.

Принципиальным решением этого вопроса, на наш взгляд, будет формирование оптовых цен по типу «франко-станция отправления» во всех отраслях народного хозяйства. Такие цены отвечают и народнохозяйственным, и локальным экономическим стимулам развития.

В силу исторически сложившихся обстоятельств доля цен франко-станция назначения высока, и устранение их в ближайшее время не предвидится. В этих условиях практически реальным представляется постепенное введение цен франко-отправления, наряду с совершенствованием поясной дифференциации цен франко-назначения.

Итак, народнохозяйственный аспект совершенствования системы оптовых цен заключается в обеспечении адекватного отражения реальных затрат и результатов, соответствия цен ОНЗТ. Успешное решение этих вопросов будет способствовать дальнейшему повышению эффективности производства в отраслях хлопкового комплекса.

П. Носиров

ПАХТА КОМПЛЕКСИ ТАРМОҚЛАРИДА ҚИЯМАТ ПАЙДО
БЎЛИШИНИНГ АКТУАЛ МАСАЛАЛАРИ

Мақолада республикамиз материаллари асосида пахта комплекси тармоқларида қиймат пайдо бўлишининг бир қатор муҳим масалаларини анализ қилинади.

⁷ И. И. Искандеров. Текстильная промышленность Узбекистана, Ташкент, 1974, стр. 122.

⁸ В. А. Первушин. Проблема дифференциации производительности общественного труда, Новосибирск, 1963, стр. 288.

Г. А. АХМЕДОВ, Б. А. МИРЕНСКИЙ

О СООТНОШЕНИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ
И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Эффективность предупредительной деятельности правоохранительных органов, а также общепреventивное действие уголовного закона связаны с координацией наук, изучающих и разрабатывающих проблемы борьбы с преступностью. Это особенно касается «пограничных» вопросов между криминологией и уголовным правом.

Криминологические исследования не исключают социологических изысканий в уголовном праве. Наоборот, они дополняют и обогащают друг друга. «Так же, как выработка конкретных форм ответственности,— отмечает В. Н. Кудрявцев,— малоэффективна без сведений, даваемых криминологией о причинах соответствующих явлений, так и разработка путей предупреждения преступности невозможна без учета роли уголовной ответственности и наказания в борьбе с преступностью»¹. Однако применение социологических методов к изучению преступности еще не свидетельствует о том, что данное исследование является криминологическим или уголовно-правовым. Сам по себе метод исследования может ничего не говорить о его предмете². Разграничение, на наш взгляд, надо проводить по основным исследуемым категориям.

Взаимосвязь криминологии и уголовного права обуславливает четкое разграничение основных криминологических и уголовно-правовых категорий. Этого особенно требуют «парные» категории криминологии и уголовного права: личность преступника и субъект преступления, рецидив и особо опасный рецидивист и т. д.

Здесь рассматривается лишь соотношение названных криминологических и уголовно-правовых категорий. Однако их нельзя исследовать, не затронув сам предмет криминологии и уголовного права как наук. Как известно, категории — это наиболее общие, фундаментальные понятия³, отражающие основные свойства и закономерности явлений. Каждая наука вырабатывает свои понятия, чтобы точнее отразить изучаемые объекты. Основные категории науки заложены уже в ее предмете. Так, категория «личность преступника» входит в предмет криминологии, а категория «субъект преступления» как один из признаков состава преступления вытекает из предмета уголовного права.

Криминологические категории возникли позднее, чем уголовно-правовые. Это обусловлено историей развития криминологии и уголовного права.

Становление советской криминологии можно отнести к первым годам существования Советского государства, когда впервые была по-

¹ См. «Эффективность применения уголовного закона», М., 1973, стр. 9.

² В. Н. Кудрявцев. *Социология, право и криминология*, Советское государство и право, 1969, № 2, стр. 70.

³ См. «Основы марксистско-ленинской философии», М., 1974, стр. 128.

ставлена задача ликвидации преступности, унаследованной от капитализма. Выполнению этой задачи еще в 20—30-е годы уделяли постоянное внимание наши правоохранительные органы, а ее научной разработке — ряд созданных тогда криминологических учреждений, в том числе организованный в 1925 г. Государственный институт по изучению преступности и преступника.

В те годы общие криминологические проблемы, как правило, рассматривались в работах по Общей части советского уголовного права. Однако теоретические проблемы криминологии и само понятие «криминология» тогда еще не получили должного развития. Речь шла главным образом о социологических исследованиях в области уголовного права. Это можно объяснить недостаточным уровнем овладения методологией и методикой криминологических исследований. К тому же научные учреждения, изучавшие причины преступности, в 30-х годах были закрыты.

Развернувшаяся после XX съезда КПСС разработка криминологических проблем поставила своей задачей создание теоретической и организационной базы для дальнейшего углубления исследований вопросов криминологии. После организации Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности⁴, выхода в свет методического пособия «Введение в криминологию»⁵ и двух изданий учебника «Криминология» (1966, 1968 гг.), создания теоретических основ советской криминологии ее выделение как самостоятельной науки с сохранением тесных прямых связей с наукой уголовного права стало фактом. Все глубже и шире разрабатываются основные криминологические категории.

Предмет советской криминологии определился весьма четко. Это состояние, структура, динамика преступности, причины и условия, способствующие совершению преступлений, личность преступника, прогнозирование динамики преступлений и разработка мер предупреждения преступности.

Не вызывает сомнений и предмет советского уголовного права.

Предметы этих наук не только различны, но и в чем-то сходны или близки между собой. Иначе эти науки не имели бы общей точки соприкосновения. Поэтому имеет смысл проведение комплексных исследований специалистами двух смежных наук⁶. Однако за последние годы в некоторые учебники уголовного права, на наш взгляд, необоснованно включаются криминологические проблемы. Так, авторы учебника «Советское уголовное право» (Общая часть) посвятили главу VII рассмотрению преступности и ее причин⁷. В «Курсе советского уголовного права. Часть Особенная» в отдельном параграфе рассматриваются вопросы выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению отдельных видов преступлений⁸. То же самое можно сказать и об учебнике «Советское уголовное право. Общая часть», изданном в Узбекистане⁹. Между тем в учебниках по криминологии проблемам при-

⁴ Институт создан в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 30 мая 1963 г. См. «Справочник по законодательству для работников органов прокуратуры, суда и Министерства внутренних дел», т. I, М., 1973, стр. 584—585.

⁵ А. А. Герцензон. Введение в криминологию, М., 1965.

⁶ См.: М. И. Ковалев и В. Н. Кудрявцев. Комплексные криминологические исследования, Советское государство и право, 1975, № 1, стр. 55.

⁷ Советское уголовное право. Общая часть, М., 1969, стр. 79—93.

⁸ Курс советского уголовного права (Часть Особенная), т. 3, Л., 1973, стр. 45—54.

⁹ А. Х. Расулев. Советское уголовное право. Общая часть, Ташкент, 1969, стр. 71—87 (на узб. яз.).

чин преступности отводится достаточное место. Представляется, что криминологические категории целесообразнее освещать в криминологической литературе, ибо уголовно-правовые исследования не могут глубоко вскрыть их содержание. Это связано и с функциями уголовного права, которые имеют, на наш взгляд, самостоятельное регулирующее значение.

Нельзя не отметить дискуссионность вопроса о функциях уголовного права. Даже у коллектива авторов «Курса советского уголовного права» (в шести томах) нет единого мнения о том, имеет ли уголовное право в основном правоохранительную функцию или же последняя носит регулирующий характер¹⁰.

По нашему мнению, нормы уголовного права наряду с правоохранительной функцией имеют и самостоятельное регулирующее значение, ибо устанавливают запрет деяния (например, убийства, хищения и т. п.) и требуют от правоохранительных органов применения наказания к лицу, нарушившему этот запрет. Они обращены к гражданам и органам власти. Уголовный закон определяет состав преступления, которым очерчены пределы и содержание деяния при совершении преступления. Следовательно, уголовный закон как источник уголовного права носит одновременно и правоохранительный, и регулирующий характер.

Регулируя общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступления, уголовное право воздействует на субъекта уголовного наказания правонарушителя. Субъект преступления является одним из элементов состава преступления и характеризуется определенными уголовно-правовыми признаками. Отсутствие хотя бы одного из них исключает уголовную ответственность. «Быть субъектом преступления — значит быть виновным в совершении преступления, а потому по общему правилу и нести за него уголовную ответственность»¹¹.

Изучением уголовно-правовых признаков субъекта, его общественной опасности, которая вытекает из характера совершенного преступления, занимается уголовное право. Однако для предупреждения преступлений субъект должен быть изучен как социальный индивид. Человек становится личностью в процессе «социализации». Чтобы раскрыть содержание понятия «личность», надо прежде всего определить суть человека как социального существа, ибо личность существует только в человеческом обществе. Следовательно, нужно знать жизненный путь лица, ближайшее бытовое окружение, круг интересов, потребностей, взглядов, ценностные ориентации, чтобы предупредить возможность совершения правонарушений. А это уже область криминологии.

Таким образом, получается, что с одним и тем же индивидом приходится работать и специалисту по уголовному праву, и криминологу. В принципе так и должно быть, ибо, как говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа 14 июня 1974 г., «преступность, любые формы антиобщественного поведения — это социальное зло, и бороться с ними следует повседневно, бороться твердо и решительно»¹². Там, где изучение личности правонарушителя начинается после возникновения его конфликта с уголовным законом, вопрос о личности преступника приобретает еще большую остроту, поскольку лицо становится субъектом преступления.

¹⁰ Курс советского уголовного права (в шести томах), т. I, М., 1970, стр. 12—13, 152—153.

¹¹ Курс советского уголовного права (в шести томах), т. II, М., 1970, стр. 206.

¹² Правда, 15 июня 1974 г.

Важная сторона изучения личности преступника — раскрытие механизма ее антиобщественного поведения. На наш взгляд, надо разделять категории «личность правонарушителя», «личность преступника» и «субъект преступления».

Не всякое правонарушение есть преступление. Административный и дисциплинарный проступки, а также гражданско-правовой деликт — правонарушения, но еще не преступления. Нельзя допускать, чтобы правонарушение переросло в преступление. Так, уклонение от уплаты алиментов — правонарушение, которое, приняв злостный характер, становится преступлением¹³. По нашему мнению, суть проблемы состоит в том, чтобы изучать личность правонарушителя до того, как он совершит преступление. Это возможно путем постановки на учет всех правонарушителей, разработки регистрационной формы «сигнальная карточка» на лицо, от которого можно ожидать совершения преступления. При отделах внутренних дел районных и городских исполкомов Советов депутатов трудящихся могут быть созданы отделения или группы по изучению личности правонарушителя. Индивидуальная профилактика должна быть направлена на то, чтобы правонарушитель не стал субъектом преступления. Одновременно можно будет связать установление причин отдельных видов преступлений и условий, им способствующих, с установлением причин преступности в целом. Для этого необходимо применять методы моделирования, которые, на наш взгляд, должны состоять в разработке моделей возможного поведения правонарушителя в различных жизненных ситуациях. Развитие методик криминологических исследований, совершенствование на этой основе аналитической работы будут способствовать повышению эффективности организации борьбы с преступностью¹⁴.

Одна из методик криминологических исследований должна быть разработана для изучения взаимосвязи «личность преступника — потерпевший — субъект преступления». Потерпевшему нередко принадлежит значительная роль в процессе совершения лицом общественно опасных деяний.

В конце 60 — начале 70-х годов в советской криминологии появляются исследования личности потерпевшего, т. е. жертвы преступника (так называемая виктимология)¹⁵. По нашему мнению, виктимологию нужно рассматривать не как самостоятельную отрасль уголовно-правовой науки, а как один из весьма больших разделов советской криминологии, связанный с личностью преступника и его взаимоотношениями с потерпевшим. Развитие этого направления в криминологии имеет немаловажное значение в предупреждении и сокращении преступности.

В изучении личности преступника и предупреждении преступлений весьма важное значение имеет классификация преступников, их типология. Она позволит разработать систему мер предупреждения преступлений применительно к каждой однотипной группе преступников.

В типологии преступников большое внимание уделяется рецидивистам как наиболее опасным преступникам. Категория рецидива и понятие особо опасного рецидивиста не однозначны. Ст. 23¹ Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик содержит формализованное понятие особо опасного рецидивиста. Как и многие уголовно-правовые нормы, она имеет оценочные элементы, которые выража-

¹³ Рассмотрение категории «злостность» не входит в задачу данной статьи.

¹⁴ С. Е. Вицини. Моделирование в криминологии, М., 1973, стр. 100.

¹⁵ Л. В. Франк. Виктимология и виктимность, Душанбе, 1972; В. С. Минская. Криминологическое и уголовно-правовое значение поведения потерпевших, в сб. «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 16, М., 1972, и др.

ются в определении личности виновного, степени общественной опасности совершенных преступлений, степени осуществления преступных намерений, характера участия в совершении преступлений и других обстоятельствах. Следовательно, ст. 23' Основ не лишена абстракции, ибо «эти элементы требуют дополнительного определения и допускают неоднозначное истолкование, основы которого лежат вне уголовного права»¹⁶. Отсутствие единого понятия рецидива приводит к различным толкованиям этой важной категории.

В литературе можно встретить такие наименования рецидива, как «легальный рецидив», «криминологический рецидив», «пенитенциарный рецидив» и т. д. На наш взгляд, понятие рецидива в криминологии должно быть унифицировано путем введения дополнительного определения в ст. 23' Основ. В нормах Общей части уголовного права содержатся определения «наиболее устойчивых и практически важных понятий и институтов, которые отражают генеральное направление законодательства на длительный срок»¹⁷. Одним из наиболее важных понятий в законодательстве должно быть понятие рецидива как совершение преступления лицом, ранее судимым, если судимость не снята и не погашена в установленном законом порядке. А уже затем должно идти понятие особо опасного рецидивиста.

Рецидивная преступность — явление сравнительно устойчивое. Выборочные исследования показывают, что 25—30% преступлений совершаются рецидивистами. Показатель рецидива — существенный критерий состояния борьбы с преступностью.

Есть три признака понятия рецидива: уголовно-правовой, криминологический и исправительно-трудовой. Уголовно-правовой признак означает наличие у лица судимости за предыдущее преступление (не снятой и не погашенной ко времени совершения второго преступления). Криминологический признак показывает, есть ли внутренняя связь в содержании совершаемых преступлений. В социально-психологическом плане — это сознательное игнорирование своего прошлого осуждения. Исправительно-трудовой признак — полное или частичное отбытие наказания в местах лишения свободы за предыдущее преступление. Повышенная общественная опасность рецидивиста кроется в его личности.

Все эти признаки учитывает суд при признании лица особо опасным рецидивистом. При этом закон, по нашему мнению, справедливо пошел по пути уравнивания общественной опасности общего и специального рецидива. В каком же соотношении находятся понятия общего и специального рецидива, с одной стороны, и понятие особо опасного рецидивиста, — с другой?

На наш взгляд, их нужно рассматривать, учитывая диалектику единичного, особенного и общего. Действие общего выражается в единичном. Общее раскрывается в научном понятии через отражение единичного и особенного. Если игнорируется изучение единичного, то тем самым обедняется знание общего и особенного. Учет диалектического взаимодействия единичного, особенного и общего имеет важное методологическое значение при осмысливании явлений рецидива.

Общее — общий рецидив, особенное — специальный рецидив, единичное — особо опасный рецидивист. В понятии особо опасного рецидивиста и проявляется общественная опасность общего и специального рецидива. С точки зрения социальной характеристики личности, особо опасный рецидивист — это лицо, упорно не желающее соблюдать пра-

¹⁶ М. И. Ковалев. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе, Советское государство и право, 1973, № 11, стр. 70.

¹⁷ Там же, стр. 73.

вила социалистического общежития и приобщаться к честной трудовой жизни; злостно, несмотря на уже состоявшееся осуждение, продолжающее посягать на интересы государства, общества и советских граждан, совершая новые, чаще всего тяжкие преступления¹⁸.

По мнению А. М. Яковлева, «есть все основания говорить о паразитическом образе жизни как характерном признаке особо опасного рецидивиста»¹⁹. Однако тенденция рецидивистов к паразитическому образу жизни не отражена в законодательстве. Между тем закон требует учитывать при признании лица особо опасным рецидивистом не только число прежних судимостей и степень тяжести совершенных преступлений, но и образ жизни преступника. В частности, представляется, что паразитический образ жизни должен быть одним из оснований для признания лица особо опасным рецидивистом. При этом в п. III ст. 23' Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и аналогичных статей УК союзных республик число судимостей за совершение краж, грабежей и злостного хулиганства для таких лиц может быть сокращено, ибо указанные деяния, как правило, наиболее характерны для названной категории преступников²⁰.

Выборочное изучение уголовных дел показывает, что среди осужденных за насильственные и корыстные преступления много тунеядцев, лиц без определенного места жительства и рода занятий. Так, в УзССР не работали и не учились (по данным 1971—1973 гг.) значительная часть осужденных за убийство, изнасилование, кражу, мошенничество, спекуляцию и т. д.²¹ Однако ведение лицом паразитического образа жизни, как показало изучение архивных и текущих уголовных дел, не всегда учитывается судьями при назначении наказания. Лишь в протоколах допроса на предварительном расследовании и в суде отмечается, что обвиняемый или подсудимый — без определенного рода занятий или без определенного места жительства и рода занятий.

Принимая во внимание значительный процент неработающих среди осужденных за тяжкие преступления, мы считаем необходимым дополнить ст. 39 УК УзССР таким отягчающим обстоятельством, как «совершение преступления лицом, ведущим антиобщественный, паразитический образ жизни» (п. 13). Это обстоятельство должно учитываться судом при назначении наказания вне зависимости от установления срока паразитического существования субъекта, когда не имело бы каких-либо фактических препятствий к трудоустройству лица, совершившего преступление. Паразитическое существование — оценочная категория, и ею должен быть дополнен закон.

Таким образом, криминологические и уголовно-правовые категории взаимно дополняют друг друга. Некоторые криминологические категории должны быть введены в уголовное законодательство. Однако это не исключает, а напротив, обязывает и в дальнейшем разрабатывать и разграничивать «пограничные» криминологические и уголовно-правовые понятия. Такие исследования соотношения криминологических и уголовно-правовых категорий дают возможность совершенствовать уголовное законодательство на основе использования данных криминологии.

¹⁸ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, М., 1971, стр. 74.

¹⁹ А. М. Яковлев. Борьба с рецидивной преступностью, М., 1964, стр. 104.

²⁰ Криминология. Учебник, М., 1968, стр. 429—430; С. С. Степичев, Г. З. Моисеевко. Особо опасный рецидив в свете криминологического изучения рецидивистов, осужденных за грабеж и разбой, Советская юстиция, 1968, № 1, стр. 20; и х же. Что показало криминологическое изучение грабежей и разбоев, в сб. «Вопросы криминологии и криминологии», Душанбе, 1968, стр. 30, и др.

²¹ Архив Министерства юстиции УзССР за 1971—1973 гг.

А. КАДЫРОВ

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЗНАКА

Познавательное отражение немислимо без употребления знаков. Как правильно отмечает И. С. Нарский, «познающего мышления без знаков того или иного языка не существует»¹. Лишь благодаря знакам материализуются мысли, эмоции, цели и воля людей. Последние возможны в тесной связи и единстве с определенными материальными процессами. «На «духе», — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка»².

Как известно, язык есть система знаков особого рода. Поскольку нет мысли без материализации ее посредством слов, то нет человеческого мышления без языковых форм — словесных знаков. Знаки составляют необходимый и всеобщий компонент человеческого познания.

Познавательная функция и природа знаков получили освещение в работах таких советских философов, как Л. А. Абрамян, Г. А. Брутян, А. А. Ветров, Б. И. Исмаилов, А. М. Коршунов, В. В. Мантатов, И. С. Нарский, В. В. Орлова, Л. О. Резников, В. С. Тюттин, Л. В. Уваров, А. Д. Урсул, В. С. Шевырев, и ряда зарубежных философов-марксистов (А. Шафф, Г. Клаус и др.). Ими исследованы те или иные аспекты знаковой (например, соотношения слова и понятия, знака и образа, знака и понятия, знака и модели, значения и смысла, значения и понятия и т. п.). В настоящее время, видимо, не менее важно установление гносеологического статуса знака и значения, что будет способствовать устранению разнобоя в их трактовке в различных аспектах (кибернетический, математический, логический, лингвистический, психологический, физиологический и т. п.). Эта задача разрешима лишь в рамках теории познания диалектического материализма, которая не только исходит из первичности материи и вторичности сознания, но и признает их диалектическое единство в реальных процессах познания и общения.

В наиболее общем понимании знаки — это предметы и явления, в силу определенных условий представляющие другие, отличные от них предметы и явления объективного мира и человеческого сознания. Не исключено, что знаки могут быть идеальными, проявляющимися в основном в форме внутренней речи. Но в большинстве своем — это материальные предметы и явления объективного мира, а также человеческого сознания. Без них невозможно ни познание, ни общение человека,

¹ И. С. Нарский. Диалектическое противоречие и логика познания, М., 1969, стр. 85.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.

а тем более предвидение искомого результата процесса познавательного отражения.

Необходимость знаковости для человеческого познания, видимо, определяется тем, что всякое познание в определенном аспекте выступает как опережающее отражение.

Как справедливо отмечает А. Г. Спиркин, «принцип сигнализации имеет решающее значение в жизни животных и человека. Предупреждающее действие сигнала, или так называемое опережающее отражение, заранее подготавливает организм к предстоящему акту удовлетворения какой-либо потребности или сохранения жизни, будущее определяет настоящее»³. По его мнению, опережающее отражение осуществляется у животных элементарными формами психики — ощущениями, восприятиями, представлениями, образным мышлением. Их физиологическим механизмом служит первая сигнальная система. У человека опережающее отражение осуществляется взаимодействием двух сигнальных систем при ведущей роли второй сигнальной системы — физиологического механизма речи и понятийного мышления. Способность опережающего отражения заложена самой эволюцией материи, а опережающее отражение на уровне познавательного отражения осуществляется на основе оперирования знаками⁴.

Теория опережающего отражения разработана в трудах видного советского нейрофизиолога и биолога акад. П. К. Анохина⁵. Опираясь на теорию эволюционного развития Ч. Дарвина, он приходит к новым результатам в исследовании поведения живого организма. Оказывается, «для развития жизни кардинальным условием стала не простая последовательность событий, а периодически или ритмически повторяющаяся последовательность отдельных фрагментов из бесконечного континуума явлений в общей картине мира»⁶. Из того факта, что временная структура не однородна, а включает ряд повторяющихся циклов событий (времена года, день, ночь и т. п.), П. К. Анохин делает вывод о том, что «организмы, приобретающие способность опережать ход внешних событий, тем самым стали с наибольшей выгодой приспосабливаться к будущим, часто опасным явлениям внешнего мира задолго до того, как эти явления будут иметь место»⁷.

Без этой способности живого не могли возникнуть высшие формы отражения действительности (сознание, познание, мышление).

В ходе эволюционного развития живого информация о пространственно-временном ритме объективного мира кодируется в следовых реакциях химических процессов в протоплазме, возникающих под непрерывным воздействием внешних явлений. Поясняя характер опережающего отражения, С. Н. Смирнов отмечает, что если на живой организм (первичный, формирующийся или уже сформировавшийся) действует ряд постоянно повторяющихся внешних событий $A_1, A_2, \dots, A_n$, каждое из которых вызывает в этом организме соответствующую доминирующую химическую реакцию $a_1, a_2, \dots, a^n$, то при систематическом повторении этого ряда в случае положительного влияния на стабили-

³ А. Г. Спиркин. Сознание и самосознание, М., 1972, стр. 44.

⁴ Там же, стр. 44.

⁵ См.: П. К. Анохин. Опережающее отражение действительности, Вопросы философии, 1962, № 7; его же. Психическая форма отражения действительности, в сб. «Ленинская теория отражения и современность», София, 1969; его же. Биологическое отражение действия фундаментальных законов неорганического мира, в сб. «Ленинская теория отражения и современная наука», т. I, София, 1974.

⁶ В сб. «Ленинская теория отражения и современность», стр. 132.

⁷ Там же, стр. 133.

зацию процессов в данном организме между отдельными химическими реакциями, возникающими по поводу соответствующих внешних событий, неизбежно устанавливается органическая связь. Эта связь превратит весь ряд химических превращений $a_1, a_2, \dots, a_n$ в одну непрерывную быстро развертывающуюся цепь химических реакций, воспроизводящуюся целиком. Иначе говоря, за первой реакцией a_1 следует целая серия других внутренних событий $a_2, \dots, a_n$, которые ранее порождались лишь актуальным воздействием событий $A_2, \dots, A_n$, а теперь возникают и при действии A_1 ⁸. Все это убедительно показывает, что в деятельности организмов проявляется не только функциональная закономерность, но и (как ее внешнее выражение) знаковость. Событие A_1 становится своего рода знаком последующих объективных событий, вызывая опережающую реакцию организма, направленную на приспособление его к среде.

Без такого рода знаковости приспособительное поведение организма было бы невозможно. Воспроизведение особенностей цикла пространственно-временного ритма событий протекает не бесследно, а кодируется в химических реакциях процесса взаимодействия организма и среды как внешне, так и имманентно, внутренне.

Данный факт доказан и генетикой, которая исследует воспроизведение исторических циклов филогенеза организмов.

Видимо, свойство предрасположения (диспозиции) живых организмов к отражению включает и моменты выживания. Повторяемость циклов пространственно-временного ритма объективных событий кодируется в определенных знаковых формах естественного характера.

Отражение среды, получение от нее информации — необходимый фактор адаптации организма к среде и выживания. Но в силу указанных выше особенностей познавательное отражение и адаптивное поведение должны приобретать опережающий характер по отношению к изменению среды. Такое опережающее отражение, как уже отмечалось, обязательно должно быть связано с наличием известной знаковости. Очевидно, элемент знаковости как бы лежит у самых истоков познавательного отражения, выступающего необходимым средством обеспечения существования организма. Он присущ более высоким формам познавательной отражающей деятельности.

Конечно, слово «знак» по отношению к подобному свойству не служит точным определением, ибо в процессе повторяемости временного ритма можно скорее говорить только об образовании признаков. Однако этого, видимо, достаточно для утверждения, что познавательное отражение включает в себя как необходимые моменты элементы знаковости.

В этом плане всякое познавательное отражение в известном смысле есть опережающее отражение. Оно носит целенаправленный и, более того, циклический характер. Вероятно, поэтому познание не движется по прямой линии, а развивается спиралеобразно. Человеческое сознание отражает объективную действительность не зеркально-мертвым образом, а активно, целенаправленно, следовательно, диспозиционно, т. е. предрасположенно, преднамеренно. В то же время человек «не может охватить = отразить = отобразить природы всей, полностью, в ее непосредственной цельности»⁹, но может лишь всею приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, все более точную научную картину мира.

⁸ С. Н. Смирнов. Дialeктика отражения и взаимодействия в эволюции материи, М., 1974, стр. 83.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 164.

Понятия, законы опосредуют отношение человека к действительности, тем самым стимулируя ее познание. В этом процессе приближения мышления к объекту (В. И. Ленин) значительную роль играют знаки, символы и другие условные формы и средства опосредствованного отражения, материализующие наши понятия, мысли, эмоции. Нет знания без понятий, а последние невозможны без знаковых форм, слов. Понятие и слово выступают нераздельно целым атрибутом познавательного отражения. Поскольку познание невозможно без понятия и слова, т. е. без мышления и языка, оно немислимо также без знаков. Логическая ступень познания предполагает оперирование понятиями, отражающими сущность, законы изучаемых явлений. Но понятия непременно выражаются либо обычными языковыми средствами (словами), либо формулами, специальными знаками, терминами (языком науки).

Диапазон познания шире, чем границы языка человека. Если бы познание человека ограничивалось лишь знаком, то оно замкнулось бы в себе, и невозможно было бы развивающееся познание действительности. В реальном познании словесные знаки постоянно сопоставляются с чувственными впечатлениями, проверяются практикой.

Надо отметить также, что для познания знаковую функцию может выполнять любой объект действительности. Наглядный пример тому — развитие познавательной способности ребенка. Ребенок заучивает не только слова национального языка, но и актуальный этикет, традиции, навыки, культурные ценности и т. п., которые несут определенную информативную нагрузку. Таким образом, под «знаком» следует подразумевать не только условных «заместителей» других предметов, но и «признаки» объектов и процессов действительности.

Познание не есть познание знака. Это отражение объективной действительности, в процессе которого знаки играют роль посредника во взаимодействии человека с окружающим миром.

Всякий внешний объект действительности может играть знаковую роль. Например, по манере действий, тона, внешнего вида человека о нем в одних случаях судят как о «хорошем», «воспитанном», а в других — как о «нехорошем», «невоспитанном», «некультурном». Таким образом, всякое внешнее явление может носить знаковую окраску по отношению к сущности объекта отражения. В этом плане верно утверждение о том, что там, где есть информация, есть и знак, носитель информации и отражения. Знаковость — атрибутивный момент познания человека.

Уже в чувственном взаимодействии организма и среды можно наблюдать известную знаковость естественного характера (знаки *suī generis*)¹⁰. В этом направлении в последнее время наметилась тенденция более пристального изучения ленинской критики теории «символов и иероглифов». Ряд советских ученых подчеркивают, что В. И. Ленин критиковал махистов не за то, что они признавали роль знаков в познании, а за подмену ощущений знаками и символами. В. И. Ленин, критикуя агностицизм махистов, говорил об образности ощущений и наличии между ощущаемым и ощущающим не отношения замещения (знаковость), а отношения «копии», «фотографирования», «отражения», т. е. изобразительного сходства. Знаки в большинстве случаев не имеют подобных признаков. Они преимущественно связаны с субъектом и соз-

¹⁰ См., напр.: И. С. Нарский. К вопросу об отражении свойств внешних объектов в ощущениях, в сб. «Проблемы логики и теории познания», М., 1968; В. И. Дубровский. Гносеологические функции ощущения и восприятия, в сб. «Современные проблемы теории познания диалектического материализма», М., 1970; В. С. Тютин. Отражение, системы, кибернетика, М., 1972.

даются и уничтожаются им. Но элементы знаковости имеются и на чувственной ступени познания, они присущи и ощущениям. Поскольку ощущение есть субъективный образ объективных вещей, то сама субъективность допускает наличие известной знаковости даже в ощущении и познании в целом.

В. И. Ленин, говоря об образности ощущений, допускал их сходство и несходство, тождество и нетождество с ощущаемым объектом. Ощущение тождественно ощущаемому внешнему телу, как его отражение, и нетождественно ему (т. е. внешнему телу), как «копия», «образ» оригинала. О знаковости ощущений, видимо, можно говорить лишь в связи с нетождественностью их отражаемому объекту. При этом, конечно, не должна оставаться в тени ленинская критика «символизма» в отношении смешивания знака и ощущения, образа и оригинала, отражения и отражаемого.

В. И. Ленин отмечал, например, что «цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки»¹¹. Далее он указывал, что «цвет зависит от действия этих (световых.— А. К.) волн на сетчатку»¹². Итак, здесь подчеркивается, с одной стороны, зависимость ощущения от ощущающего, а с другой,— не меньшая его зависимость от ощущаемого. Действительно, если бы ощущение всецело зависело от органа ощущения, то невозможно было бы познание внешнего объекта. А если бы ощущение всецело зависело от ощущаемого, то, очевидно, не было бы образности. Знаковость здесь, видимо, порождается субъективностью и, в известном смысле, условностью форм отражения, свойственных данному субъекту.

Близкой точки зрения по этому вопросу придерживаются наши ведущие ученые — А. Н. Леонтьев, И. С. Нарский, В. С. Тьютин, В. И. Дубровский, А. Д. Урсул и др. Так, В. С. Тьютин прямо пишет, что, «хотя ощущение не является условным знаком (о чем уже достаточно сказано в философской литературе), элементы знаковости естественного характера имеют здесь место»¹³. По его мнению, это прежде всего связано с тем, что качество (физическая природа) воздействующего агента не тождественно качеству ощущения. «В ощущениях цвета, вкуса, запаха,— пишет он,— качество или свойство воздействующего агента отображается с точностью до изоморфизма (гомоморфизма), электромагнитные колебания определенной длины, химические вещества и реакции, во-первых, «кодируются» посредством нервных импульсов (частотный код); во-вторых, локализируются в различных мозговых центрах, соответствующих той или иной модальности ощущений (зрительный центр, слуховой, вкусовой и пр.)»¹⁴.

Таким образом, знаковость в той или иной форме и степени присуща как рациональному, так и чувственному познанию. Более того, она сопутствует познанию уже в его тенденции, направлении (опережающее отражение) и цели. Знак необходим познанию как выразитель мысли, эмоции, цели, воли и стремления человека. Сами по себе факты всеобщности и необходимости знака для познания позволяют делать вывод о категориальном характере гносеологического статуса знака. Полагаем, что знак есть категория познания, равно как понятия «образ», «отражение», «практика», «истина» и т. п.

Ныне, в условиях научно-технической революции, превращения науки в непосредственную производительную силу, даже обыденное

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 50, 133.

¹² Там же, стр. 133.

¹³ В. С. Тьютин. Отражение, системы, кибернетика, стр. 133.

¹⁴ Там же.

мышление человека все более становится научным, испытывает огромное влияние средств современного научного познания. Современная наука все шире оперирует научными абстракциями, объектами, лишенными непосредственной наглядности (квантовая физика, общий процесс математизации науки). Это резко увеличивает значение знаков как средств научного познания и передачи информации. Использование их все более осознается как необходимый компонент любого познавательного процесса. Это особенно остро ставит вопрос о гносеологическом статусе знака, необходимости его осмысления с позиций философии диалектического материализма. На наш взгляд, знак вполне отвечает всем критериальным требованиям категорий познания, таким, как всеобщность, необходимость, существенность. Выявление категориального статуса знака имеет важное методологическое значение для правильного понимания частных вариаций знакового феномена в семиотике, кибернетике, математике, логике, психологии, лингвистике и т. п.

А. Қодиров

БЕЛГИНИНГ ГНОСЕОЛОГИК ВАЗИЯТИ ҲАҚИДА

Мақолада семиотика, кибернетика, математика, психология ва бошқа фанларнинг муҳим методологик проблемаларидан бири — белгининг гносеологик вазияти ҳақида гап боради.

К 1100-летию Фараби

Ю. ДЖУМБАЕВ

ПРОБЛЕМА СЧАСТЬЯ В ЭТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ ФАРАБИ

Мировоззрение Абу Насра Фараби охватывает широкий круг вопросов как естественных, так и общественных наук. Недаром на Востоке его называли «вторым учителем» (муаллимий сонний) в знак глубокого уважения к его эрудиции и творческому таланту.

В учении Фараби, как и многих других мыслителей Востока, социология, политические, этические науки, педагогика были тесно взаимосвязаны и составляли нечто единое — науку об обществе и личности в целом.

Придерживаясь в основном аристотелевской классификации наук, Фараби включал этику и педагогику в состав политической (или гражданской) науки. Однако это не значит, что проблеме морали он отводил второстепенное место. Вопросы нравственного воспитания, разработка теоретических проблем этики — важнейшая часть общественных воззрений мыслителя.

Фараби высоко ценил человека, творческую, созидательную силу его разума. Человек для Фараби — не просто биологическое существо. Разум выводит его за пределы животного мира и наряду с трудом придает ему социальное качество. Жизнь человека, согласно Фараби, должна быть сознательной и целенаправленной, она имеет не только личное, но и общественное значение.

Вот почему Фараби, как и древнегреческий мыслитель Эпикур, видит главную задачу своей этики в определении путей достижения счастья — конечной цели желаний каждого человека. Счастье, по Фараби, — это «абсолютное добро»¹.

Фараби считал изучение конечной цели человека, выявление средств и способов ее достижения задачей не только этической, но и политической науки. Счастье — не чисто этическая категория, оно имеет гораздо более широкое содержание².

Проблема счастья занимает в этике Фараби центральное место и отличается от иных проблем (добро и зло, долг и совесть, честь и справедливость) наибольшей обобщенностью, охватывая все другие категории. «Все, что полезно для достижения счастья, и все, чем оно достигается, ...добро..., и все, что в какой-то мере препятствует счастью, — это абсолютное зло»³.

¹ Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного города, в кн.: С. Н. Григорян. Из истории философии Средней Азии и Ирана VII—XII вв., М., 1960, стр. 156.

² М. М. Хайруллаев. Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии, Ташкент, 1967, стр. 302.

³ Фараби. Философские вопросы и ответы на них. Цит. по кн.: М. М. Хайруллаев. Указ. соч., стр. 317.

Таким образом, этика Фараби по своей природе эвдемонична, ибо он делает все остальные нравственные потенции человека (рассуждения о добре и зле, полезности и вредности) производными от единственной цели — достижения счастья, причем последнее не есть нечто совершенно индивидуальное. Напротив, счастье одного человека служит неперенным условием достижения личного благополучия других. Лишь в единстве общественного и личного достигается всеобщее счастье.

По Фараби, все моральные нормы и правила, нравственные поступки, все действия человека оцениваются, исходя из того, как он относится к достижению своего счастья (которое мыслитель понимает как правильное определение человеком своего места в обществе, будь он ремесленником или ученым). Фараби подчеркивает, что достижение счастья возможно лишь на основе активного отношения человека к жизни, а не пассивного ожидания, причем действия человека могут приносить не только благо, но и зло.

«Добровольные действия,— писал Фараби,— помогающие достижению счастья,— это прекрасные действия. Нравы и привычки, которые производят их,— это добродетели. Последние — это добро, установленное не ими самими, но с целью счастья. Действия, которые мешают достижению счастья, являются плохими или уродливыми действиями. Нравы и привычки, откуда эти действия исходят,— это недостатки, пороки и низости»⁴.

Надо отметить, что счастье в трактовке Фараби имеет скорее земную основу, нежели небесную, хотя он не отрицал, что счастье может быть достигнуто независимо от его материального воплощения, в «вечной», «свободной от телесности субстанции»⁵.

Религиозная оболочка этого высказывания Фараби — дань традиции. По существу же оно выражает идею бессмертия человеческого духа. Хотя отдельный человек смертен, духовные продукты его творчества не есть лишь его личное достояние; они не исчезают вместе с ним, а служат предметом духовного наслаждения последующих поколений, основой дальнейшего прогресса.

Анализируя учение Фараби об «объединении душ», М. М. Хайруллаев пишет: «Если эти рассуждения освободить от мистической оболочки и перевести на философский язык, то можно сказать, что, согласно Фараби, счастье — это достижение при помощи разума и науки такого уровня духовной культуры, которая и после смерти отдельного человека или целого поколения могла бы служить человечеству. Оно свидетельствует о процессе постепенного накопления духовной культуры, о его переходе от одного поколения к другому, которое непрерывно обогащается все новыми и новыми достижениями»⁶.

Учение Фараби о счастье было прогрессивным для той эпохи. Его основные идеи были направлены на поиск наиболее совершенных материальных воплощений интересов, ценностей и идеалов людей. Мыслитель подчеркивает, что человек призван стремиться к достижению высшего совершенства, которое называется счастьем. «Счастье — это добро, искомое среди самого себя, к нему никоим образом и никогда не стремятся, чтобы добиться чего-то другого, и по сторону (счастья) не находится ничего более значительного, чего бы человек не мог достигнуть»⁷. Счастье достигается «путем свободных действий, часть из кото-

⁴ Цит. по кн.: «Философские трактаты аль-Фараби», Алма-Ата, 1970, стр. 289.

⁵ Там же, стр. 288.

⁶ Цит. по: М. М. Хайруллаев, Указ. соч., стр. 318.

⁷ Философские трактаты..., стр. 289.

рых интеллектуальны, а часть телесны, не путем каких угодно движений, но путем определенных и размеренных действий в соответствии с нравами и привычками, (равным образом) размеренными и определенными...»⁸

Абу Наср Фараби одним из первых на Ближнем и Среднем Востоке предпринял попытку философски осмыслить политическое и моральное состояние феодального общества, раздираемого острыми социальными противоречиями.

Современное ему общество Фараби называл «недобродетельным», ибо оно было основано на социальном неравенстве людей и неизбежно вытекающей отсюда моральной деградации. Отсюда понятно стремление ученого-гуманиста к идеализации принципов разума и справедливости, которые лежали бы в основе дружелюбных и братских, основанных на взаимопомощи отношений между людьми. Его идеал — «добродетельные» города и общество. Только в них может получить расцвет наука, восторжествовать свобода, счастье и благополучие.

«Город,— писал Фараби,— в котором объединение людей имеет своей целью взаимопомощь в делах, коими обретается истинное счастье, является добродетельным городом, и общество, где люди помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельное общество. Народ, все города которого помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельное общество. Народ, все города которого помогают друг другу в целях достижения счастья, есть добродетельный народ. Таким же образом вся земля станет добродетельной, если народы будут помогать друг другу для достижения счастья»⁹.

Жителям «добродетельных» городов Фараби противопоставляет людей, проживающих в «недобродетельных» городах. Их жизненный принцип — наслаждения, ради которых они могут пойти на всякие подлости, гнусные поступки. Жители «недобродетельных» городов ведут непримиримую борьбу между собой, для них состояние враждебности и междоусобицы естественно и закономерно.

Фараби не только видел социальное неравенство и вытекающие отсюда «звериные нравы» господствующих классов, но смело и беспощадно критиковал их. Говоря о «недобродетельном» обществе, он подчеркивал, что там нет никакого нравственного порядка, так как господствующим мнением считается, что «каждый человек должен один пользоваться всеми имеющимися у него благами и бороться против другого за все то, что ему полезно, что самый счастливый человек есть тот, который одержал победу над всеми теми, кто враждебен ему»¹⁰.

Здесь невольно вспоминается характеристика, данная Ф. Энгельсом нравственным нормам другого эксплуататорского общества — буржуазного, где «каждый видит в другом врага, которого он должен удалить со своего пути, или в лучшем случае средство, которое он может использовать для своих целей»¹¹.

Разумеется, Фараби не дано было видеть экономические корни социальной несправедливости. Он был далек от материалистического понимания социальной сущности морали, ее классового характера, обусловленности нравственных норм и правил поведения людей социально-экономическими условиями жизни, их общественным бытием.

Но для нас важно то, что прогрессивные идеи великого мыслителя-

⁸ Философские трактаты... стр. 289.

⁹ Там же, стр. 305.

¹⁰ Там же, стр. 347—348.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 361.

гуманиста противостояли господствовавшим в ту эпоху идеологии и морали эксплуататорской верхушки феодального общества. По существу его учение было несовместимо с догмами мусульманских теологов, объяснявших любое действие человека «божественными предначертаниями». Они приписывали характеру и нравственному поведению человека врожденные свойства, утверждая, якобы человек «от бога» является добрым и злым, разумным или порочным, совершенным или дурным и т. д. В противовес этим представлениям Фараби искал основы разумности и мотивы человеческого поведения в самом человеке, пытался объяснять их ссылкой на социально-политические отношения того времени.

В частности, Фараби отмечает, что «врожденность разума» отнюдь не означает, будто человек сразу появляется на свет таким, каков он есть. Когда говорят, что человек — творение разумное, то это означает, что он обладает способностью к разуму, но человек способен также к дурным и порочным действиям, ибо человеческой природе присущи и эти нравственные качества. «Свойства эти коренятся в самой природе как каждого отдельного человека, так и каждой группы; они вытекают из самого естества природных существ»¹². Вот почему мыслитель подчеркивал роль знания и воспитания, придавая им первостепенное значение.

Как известно, со времен Сократа существовало представление, якобы человеческого разуму свойственно знание двух видов. Первое — научное, достигаемое путем наблюдения, размышления и опыта. Второе — мистическое, получаемое путем «божественного откровения». Многие представители мусульманской теологии (Газали, Ясави и др.) открыто призывали лишь ко второму виду знания, утверждая, будто бы человек постигает истину лишь путем «божественного откровения».

Например, Газали писал: «На свете существуют такие знания, приобретение которых с помощью разума нельзя даже представить себе... можно (их) понять... благодаря божественному внушению и содействию со стороны всевышнего аллаха»¹³.

Фараби, как и другие прогрессивные мыслители средневекового Востока (ар-Рази, Беруни, Ибн Сина), не отрицал существования таких видов знания, поскольку этот вопрос был связан с вопросом об откровении и пророчестве, игравшими важную роль в мусульманской религии. «...Тот, кто отрицает откровение, тем самым полностью отрицает ислам или, по меньшей мере, нападает на его основу»¹⁴. Заслуга Фараби и других прогрессивных мыслителей средневекового Востока состоит в том, что они резко разграничивали эти два вида знания, подчеркивая определяющую роль научного знания, с помощью которого человек постигает истину, обретает навыки и совершенство.

По Фараби, необходимым условием достижения счастья служит изучение наук. Только с помощью науки, овладения всеми знаниями о существующих предметах, изучения их причин, истинных сущностей, их возникновения и существования человек приобретает то совершенство, к которому он предназначен по своей природе. Знания, по словам Фараби, облагораживают человека, делают его добрым и разумным; без них человек не может достичь той цели, ради которой он живет. Чтобы быть достойным, человек имеет две возможности: обучение и воспитание. Если с помощью обучения он достигает теоретического достоин-

¹² Философские трактаты..., стр. 355.

¹³ Газали. Избавляющий от заблуждения. Цит. по: С. Н. Григорян. Указ. соч., стр. 217.

¹⁴ Цит. по кн. «Из философского наследия народов Востока», Ташкент, 1972, стр. 102.

ства, то «воспитание — это путь к созданию этического достоинства и практической деятельности в общении с людьми»¹⁵.

Этим идеям отвечал и образ жизни самого Фараби. По свидетельству современников и историков (Ибн Халликон, Ибн Усайба, Хусайни, Казвини, Бейхаки, Хамави и др.), Абу Наср Фараби не стремился к богатству и высокому положению, был весьма скромным и щедрым, честным и строгим к себе и людям, приятным, задушевным собеседником. Страсть к знаниям сделала его подлинным энциклопедистом своей эпохи. Он часто выходил победителем в острых научных дискуссиях, владел несколькими языками, был талантливым музыкантом и т. д. Всем этим Фараби уже при жизни снискал себе широкую славу и большой авторитет¹⁶. Так на собственном примере Фараби наглядно демонстрировал, что достоинство человека определяется его знаниями, делами, воспитанием, высокой моралью.

Обучение и воспитание, говорил Фараби, осуществляются учителем, причем учителями в широком смысле слова он считал прежде всего «добродетельного правителя» и его подданных — чиновников, должностных лиц, которым доверены судьба народа, его воспитание, благополучие и счастье.

Именно во всеобщей просвещенности, знании видел мыслитель ключ к благополучию и счастью людей, с их помощью полагал он искоренить всякое зло и нравственные пороки в обществе.

Согласно Фараби, творческая деятельность человека, руководимая активным разумом, служит условием прогресса в области нравственности и политики. Однако он наивно верил, что только при помощи просвещенного правителя и законодателя в «добродетельном» государстве люди смогут обрести то совершенство, к которому они стремятся по своей природе.

Разумеется, упование Фараби на «просвещенного правителя» отражает историческую ограниченность его взглядов. Тем не менее его высокогуманные просветительские идеи были весьма прогрессивными для той эпохи. Здесь уместно напомнить известные слова К. Маркса: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком».

История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее: опыт превозносит как самого счастливого того, кто принес счастье наибольшему количеству людей»¹⁷.

Ю. Жумабоев

ФОРОБИЙНИНГ АХЛОҚИЯ ТАЪЛИМИДА БАХТ МАСАЛАСИ

Бу мақола Абу Наср Форобийнинг 1100 йиллигига бағишланган. Автор улўф мутафаккиринг ахлоқий таълимида бахт масаласи ҳақида баҳс юртади.

¹⁵ Цит. по: С. Н. Григорян. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока, М., 1963, стр. 174.

¹⁶ См.: М. М. Хайруллаев. Уйғониш даври ва Шарқ мутафаккири, Ташкент, 1971, стр. 134—137.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956, стр. 5.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

КОЛХОЗЛАРДА ИШ КУЧЕНИ ТАҚРОР ИШЛАБ ЧИҚАРИШ
МАСАЛАСИГА ДОИР

ҚТСС XXIV съезди социалистик ишлаб чиқаришни юксак суръатлар билан ривожлантириш ва унинг самарадорлигини ошириш, фан-техника тараққиёти ва меҳнат унумдорлигини оширишни тезлаштириш асосида халқнинг моддий ва маданий турмуш даражасини бирмунча юксалтиришни асосий вазифа қилиб қўйди.

Халқ фаровонлигини ўстиришдан иборат ва узоққа мўлжалланган бу вазифа ҳозирги ривожланган социализм шароитида айниқса жиддий вазифа қилиб қўйилмоқдаки, бир томондан, етук социализм экономикаси меҳнаткашлар турмушини яхшилаш вазифаларини кенгроқ даражада ҳал қилиш имконини берса, иккинчи томондан бу вазифаларнинг ҳал этилиши ҳозирги замон ишлаб чиқаришини ривожлантиришнинг ҳал қилувчи зарур шартига айланмоқда. Шунинг учун ҳам ҳозирги даврда меҳнаткашларнинг, жумладан колхозчиларнинг турмуш даражасини белгилловчи тирикчилик воситалари фонди ҳақидаги масалалар айниқса муҳим назарий ва амалий аҳамиятга эгадир.

Ишлаб чиқарувчининг тирикчилик воситалари фонди ҳамма жамиятларда ҳам мавжуд бўлиб, иш кучини тақдор ишлаб чиқариши ана шу фонд ҳисобига амалга оширилади. Бу ҳақда Карл Маркс бундай деган эди: «Тирикчилик воситалари фонди ёки иш фонди... ишчига унинг яшаш учун ва ўз ҳаётини тақдор ишлаб чиқариш учун зарурдир ва бу иш фондини ишчи ҳамма ижтимоий ишлаб чиқариш системасида ҳам ишлаб чиқариши ва тақдор ишлаб чиқариши лозим»¹. Бироқ, унинг ижтимоий-иқтисодий моҳияти, ҳажми, шаклланиши ва ўсиш қонуниятлари, номоев бўлиш формалари турли жамиятда турличадир.

Маълумки, капитализмда ишлаб чиқариш воситалари капиталистик хусусий мулк бўлиб, ишлаб чиқаришнинг мақсади қўшимча қиймат ишлаб чиқаришдир. Ишчининг тирикчилик воситалари фонди эса капиталистик ишлаб чиқаришнинг мақсадини амалга ошириш, капиталнинг ўзидан қўпайиш талабини қондириш учун зарурдир. Шунинг учун бу ерда иш кучини тақдор ишлаб чиқариш учун зарур тирикчилик воситалари фондининг даражаси, социал чегараси иш кучи товарининг қиймати билан белгиланади.

Ишлаб чиқариш воситаларининг ижтимоий мулкчилиги ҳукмрон бўлган социализмда иш кучининг ишлаб чиқариш воситалари билан бевосита қўшилиши таъминланган бўлиб, ҳар бир ходим айна вақтда ишлаб чиқариш воситаларининг бирлашган эгалари, ишлаб чиқаришнинг хўжайинларидир. Бинобарин, социализмда иш кучи товар бўламай қолади. Ишлаб чиқаришдан мақсад эса меҳнаткашларнинг ўсиб борувчи моддий ва маданий эҳтиёжларини тобора тўлароқ қондиришдан иборатдир. Шунинг учун социализмда тирикчилик воситалари фонди иш кучини оддий суратда тақдор ишлаб чиқариш учунгина эмас, балки ходимнинг ва унинг оила аъзоларининг моддий ва маданий фаровонлигини ўстириш ва ҳар томонлама камол топиши учун хизмат қилади. Мамлакатимизда 1913 йилга нисбатан 1973 йили sanoat ва қурилиш ишчиларининг реал даромади 8,8 баробар, деҳқонларнинг эса 13 баробар ўсганлиги ана шундан далолат беради².

Социалистик жамиятда тирикчилик воситалари фондининг ижтимоий-иқтисодий мазмуни, структураси ва шаклланиш қонуниятлари бутун социалистик қишлоқ хўжалиги системаси, жумладан колхозлар учун ҳам умумийдир. Колхозлар йирик социалистик ижтимоий хўжалик формаси бўлиб, у ўзининг ижтимоий-иқтисодий табиғига кўра социалистик давлат корхоналари билан бир типдадир. Колхозларда тақдор ишлаб чиқариш бутун халқ хўжалиги, аввало sanoat билан боғлиқ (sanoat etakchi) ҳолда бир бутун социалистик жамият тақдор ишлаб чиқариш процессининг таркибий

¹ Карл Маркс, Капитал 1-том, Ўздавиш, Тошкент, 1955, 628-бет.

² СССР в цифрах в 1973 году, Изд-во «Статистика» М., 1974, 35-лист.

қисминн ташкил қилади. Демак, у бутун социалистик экономикага умумий бўлган барча муҳим хусусиятлар ва тараққиёт қонуналарига эгадир.

Шу билан бирга, колхозлар социалистик хўжалиқнинг кооператив коллектив формасидир. У ўзининг ишлаб чиқарувчи кучлари ва ишлаб чиқариш муносабатларининг етилиш даражаси жиҳатдан давлат корхоналари, жумладан совхозлардан фарқ қилади. Шунинг учун социализм иқтисодий қонуналарининг амал қилиши бу секторда маълум хусусиятларга эга бўлиб, такрор ишлаб чиқариш, жумладан иш кучини такрор ишлаб чиқаришига ўз хиссасини қўшади.

Колхозларда тирикчилик воситалари фондининг шаклланишидаги ўзига хос хусусият шуки, унинг моддий асосий бўлган зарурий маҳсулот давлат корхоналарида ходимнинг ижтимоий ишлаб чиқаришида қилган зарурий меҳнати билан яратилишидан фарқ қилиб, колхозларда жамоат ишлаб чиқаришида ҳам, шахсий ёрдамчи хўжаликда ҳам сарф қилган зарурий меҳнат билан яратилади. Шу билан боғлиқ ҳолда давлат секторда у икки асосий формада — иш ҳақи ва ижтимоий истеъмол фонди (умумий давлатнинг ва бевосита корхонанинг) юзага чиқади, фақат озгина қисмигина ёрдамчи ва уй хўжаликда яратилади. Колхозчиларда эса уч формада (меҳнат ҳақи, ижтимоий истеъмол фондларидан олинadиган имтиёзлар ва шахсий ёрдамчи хўжалиқдан келадиган даромадлар) юзага чиқади. Лекин давлат саноат корхоналари билан давлат қишлоқ хўжалик корхоналарининг шахсий ва уй хўжалиқдан келадиган даромадлари даражасида фарқ бор. Масалан, бутун мамлакатимиз бўйича 1970 йилда иш кучини такрор ишлаб чиқариш ҳаражатлари умумий суммасида иш ҳақи билан ижтимоий истеъмол фондининг хиссаси колхозларда 60 процент атрофида, совхозларда 78 процент, саноат ишчиларида эса деярли 99 процентини ташкил этган³.

Умуман социалистик жамятда, жумладан, колхозларда ҳам тирикчилик воситалари фондининг биринчи ва ҳал қилувчи формаси меҳнат ҳақидир. Шу билан бирга, давлат секторда у (иш ҳақи) бутун жамят миллий даромадининг бир қисми сифатида юзага чиқади ва давлат томонидан гарантияланади. Бу ҳолда иш ҳақи бутун жамят миқёсида тенг меҳнатга тенг ҳақ тўлаш принципининг бир қадар тўла амалга оширишини таъминлайди. Колхозларда эса меҳнат ҳақи ҳар бир хўжалик яли даромадининг (унинг даражаси ҳар хил бўлиб) бир қисми сифатида юзага чиқади ва шу муайян хўжалик томонидан гарантияланади. Шунинг учун меҳнат ҳақи фақат ҳар бир колхоз ичиде унинг иқтисодий аҳволига кўра меҳнатга қараб тақсимотнинг турли даражада амалга оширилишини билдиради.

Демак, умумхалқ мулкига нисбатан кооператив мулкда янги яратилган қийматни колхозлар ўртасида қайта тақсимлаш ва шу асосда тирикчилик воситалари фондининг шаклланишига таъсир кўрсатиш имконияти кам. Бундай шароитда колхозчиларнинг эҳтиёжлари турли даражада қондирилиши, бинобарин, турли иш кучини такрор ишлаб чиқариш учун турлича иқтисодий шароит юзага келиши табиийдир. Колхозчилар оладиган меҳнат ҳақлари бутун мамлакат бўйича эмас, ҳатто айрим республика ва областлар ичиде ҳозир ҳам анча фарқли бўлиши шундан далолат беради. Масалан, 1973 йил Андижон область колхозларида бир колхозчига ўртача бир киши кунига 5 колхоз 3—4 сўм, 18 колхоз 4—5 сўм, 26 колхоз 5—6 сўм, 65 колхоз 6—8 сўм ва 14 колхоз ундан ортқ ҳақ тўлаган.

Колхозларда меҳнати нормалаш, ташкил қилиш ва ҳақ тўлашни такомиллаштириш ҳамда давлат корхоналарига яқинлаштиришда колхозчиларга совхоз таъриф ставкаси даражасида ойма-ой гарантияли ҳақ тўлашга ўтиш муҳим қадам бўлди. Шу муносабат билан колхозчиларнинг шахсий истеъмол фонди биринчи навбатда ишлаб чиқаришнинг бошқа ҳаражатлари қатори яратиладиган бўлди. Бу бутун социалистик қишлоқ хўжалик системасида меҳнатга қараб тақсимот қонунининг талабини бир хилда реализация қилиш, бутун колхоз секторда иш кучини такрор ишлаб чиқариш учун бир хилроқ қулай шароит яратишга имкон беради.

Бутун мамлакатимизда бўлгани каби Андижон область колхозларида ҳам меҳнат ҳаққи давомли ўсиб бормоқда. Масалан, бир киши кунига тўланган ҳақ 1960 йил 1,60 сўм бўлган бўлса, 1965 йил 3,04, 1970 йили 3,80, 1973 йили 4,66 сўмга етди.

Колхозчиларнинг меҳнат ҳақи ўсиб, совхоз ва саноат ишчиларининг иш ҳақига тобора яқинлашиб бормоқда. Масалан, Андижон областида колхозчиларнинг меҳнат ҳақи 1960 йили саноат ишчилари иш ҳақининг 44,5 проценти, совхоз ишчилари иш ҳақининг 60,17 процентини ташкил этган бўлса, 1973 йили шунга мувофиқ 69,90 ва 78,13 процентини ташкил этган.

Тирикчилик воситалари фондининг яна бир муҳим формаси ижтимоий истеъмол фондидан келадиган тушимлардир. У иш кучини такрор ишлаб чиқариш ва социалистик жамят кишининг ҳар томонлама камол топишида муҳим ва борган сари катта роль ўйнайди. Ходимнинг тирикчилик воситалари фондининг бир қисми ижтимоий истеъмол фонди формасида алоҳида мавжуд бўлиши шахсининг ҳар томонлама камол топишида бутун меҳнаткашларга бир хил имконият яратишнинг иборат социализмнинг ўз табиатидан келиб чиқади. Тобора ўсиб борувчи маънавий ижтимоий эҳтиёжлар

³ М. И. Сидорова, Возмещение необходимых затрат и формирование фонда воспроизводства рабочей силы в колхозах. Изд-во «Наука», М., 1972, 50-бет.

борган сари кўпроқ ижтимоий-ташкилий формада (маориф, соғлиқни сақлаш, социал тўрхотуви, болалар муассасалари ва ҳ.) амалга оширилади.

Бироқ колхозчиларга кетадиган ижтимоий истеъмол фондлари икки манбадан «бутун жамият ва колхознинг» ҳосил бўлиши билан, унинг шаклланиш процесси анча мураккабдир. Давлат корхоналарининг ички ижтимоий истеъмол фонди фойдадан ажратма йўли билан шакллана, колхозларда унинг шаклланиши ҳўжалиқнинг ялли даромад даражаси, унинг тақсимоти ва қайта тақсимоти билан, оқибат натижада бутун миллий даромадининг тақсимоти ва қайта тақсимоти билан ҳам боғлиқдир. Шунингдек, колхоз ички ижтимоий истеъмол фондининг колхозларда ўйнайдиган роли давлат колхозларига нисбатан катта, у орқали қондириладиган эҳтиёжлар давлат корхоналарига нисбатан кенгроқдир. Ишчи-хизматчилар асосан умумхалқ фондида таъминланадиган анчагина моддий ва маънавий эҳтиёжлар колхозларда ўз фондлари ҳисобига қондирилади. Шунинг учун колхоз ички ижтимоий истеъмол фонди унинг умумий истеъмол фондининг муҳим таркибий қисми бўлиб, у асосан пенсия таъминоти ва ёрдам фонди ҳамда маданий-маиший фонд формаларида амал қилмоқда. Колхозчиларга меҳнат ҳақидан ташқари бериладиган турли хил пенсия, нафақа ва ёрдамлар, қисман мукофот ҳамда колхозчиларнинг маданий-маиший эҳтиёжларини қондириш, кадрлар тайёрлаш қабиляр умуман давлат ижтимоий истеъмол фондида ташқари ана шу фонд ҳисобига амалга оширилмоқда.

Колхоз ижтимоий истеъмол фонди колхоз тузумининг ривожланиши ва колхозлар экономикасининг ўсиши билан ўсиб бормоқда. Айниқса партия ва ҳўкуматнинг кейинги йилларда колхозчиларнинг моддий ва маданий турмуш даражасини ўстириш ва ишчи-хизматчиларга яқинлаштириш юзасидан амалга оширилган қатор тадбирлари натижасида яна ҳам тез ўсиб бормоқда. Андижон область колхозларида 1973 йили 1965 йилга нисбатан меҳнат ҳақи фонди 1,5 марта кўпайган ҳолда, ижтимоий истеъмол фонди (колхозларнинг марказлашган иттифоқ социал таъминот фондида ажратма ҳам қўшилиб) икки баробардан ортқ кўпайган. Колхозчи аҳоли жон бошига ҳисоблаганда шунга мувофиқ биринчиси 28 процент кўпайган ҳолда иккинчиси (марказлашган фонд билан) 56 процент кўпайган.

Колхозларда ижтимоий истеъмол фондининг структураси ҳам ўзгариб бормоқда. Айниқса колхозларда марказлашган социал таъминот фонди жорий қилингандан кейинги ўзгариш диққатга сазовордир. 1964—1965 йилларгача марказлашган колхоз фонди бўлмаганлиги учун колхоз ижтимоий истеъмол фондида ёрдам ва пенсия таъминоти фонди тахминан $\frac{1}{3}$ қисмини, маданий-маиший эҳтиёжлар фонди эса $\frac{2}{3}$ қисмини ташкил қилган эди. 1965—1973 йил марказлашган фондга ажратманинг миқдори 1,7 баравардан ортқ кўпайган ҳолда, унинг ҳиссаси эса 45—50 процент атрофида бўлган. Маданий-маиший фонд эса икки баробардан ортқ кўпайган ҳолда, унинг ҳиссаси 42—44 процентини ташкил этган. Қолган қисми эса колхоз ички ёрдам ва пенсия таъминоти, қисман мукофотлардан иборат бўлган.

Бу колхозларда иш кучини такрор ишлаб чиқариш ва меҳнаткашларнинг моддий-маданий турмуш даражасини ўстиришда ижтимоий фондининг роли ўсиб бораётганини кўрсатади. Бироқ ижтимоий истеъмол фондида келадиган тушумлار қишлоқ жойлардан шаҳарларга нисбатан, колхозчиларда ишчи-хизматчиларга нисбатан камдир.

Колхозчиларнинг эҳтиёжларини қондиришда ижтимоий ҳўжалиқдан оладиган даромадлари (меҳнат ҳақи ва ижтимоий истеъмол фонди) ҳал қилувчи роль ўйнайди ва унинг роли борган сари ортиб боради. Бироқ, шунга қарамай, у ҳали колхозчиларнинг эҳтиёжларини ижтимоий нормал даражада қондиролмайдди. Шунинг учун колхозчилар тирикчилик воситалари фондининг анча қисмини (ўртача $\frac{1}{3}$ қисмини) шахсий ёрдамчи ҳўжалиқдан олмақда. Колхозчиларнинг ижтимоий ҳўжалиқдан оладиган даромадлари ҳали ижтимоий нормал даражада эмаслиги ва шахсий ёрдамчи ҳўжалиқнинг объектив зарурлиги ижтимоий ишлаб чиқаришнинг ҳозирги аҳоли, ижтимоий меҳнат умумдорлигининг даражаси билан боғлиқдир. Бу КПСС XXIV съезида таъкидлаб ўтилганидек, ижтимоий ишлаб чиқаришни ривожлантиришга асосий эътиборни қаратиш билан шахсий ёрдамчи ҳўжалиқка ҳам ҳар томонлама ёрдам бериш зарурлигини кўрсатади.

Демак, ҳозирги вақтда колхозларда тирикчилик воситалари фонди уч манбадан, уч формада ташкил толади ва унинг умумий ҳажми ўсиб боради. Шу билан бирга, ижтимоий меҳнат умумдорлигининг ўсиши билан унинг структураси ўзгариб боради. Меҳнат ҳақи ва ижтимоий истеъмол фондининг ҳиссаси ортиб шахсий ёрдамчи ҳўжалиқ даромади ҳиссаси қисқариб боради.

Бу қонуниятни Андижон область колхозлари мисолида ҳам яққол кўриш мумкин.

Тадқиқотлар шунини кўрсатадики, область колхозчиларининг меҳнат ҳақлари 1965 йилдан 1973 йилгача 50 процентдан ортқ ўсиб, оила ялли даромадида 36,65 процент ўрнига 42,5 процентини ташкил қилган. Ижтимоий истеъмол фонди эса унинг тезроқ ўсиб, 17,92 процент ўрнига 25,7 процентини ташкил қилган. Шахсий ёрдамчи ҳўжалиқ даромади эса шунга мувофиқ (унинг ҳажми унча ўзгармаган ҳолда) 40 процент ўрнига 26,3 процентга тушиб қолган. Демак, оила даромадининг структурасида ижтимоий ишлаб чиқаришдан келадиган даромад ҳиссаси борган сари ўсиб 1965 йилдаги 54,57 процентдан 1973 йилда 66,3 процентга етган. Оила даромадининг қолган қисми эса

бошқа турли даромадларни ташкил қилади. Шу нарса характерлики, турли давлат ва кооператив корхоналардан ва бошқалардан келадиган даромад ҳиссаси мамлакатимиз колхозларида камайиб боргани ҳолда область колхозларида (5,43 процентдан 7,5 процентга) кўпайиб бормоқда. Бу ҳол Андижон области колхозларида иш кучи кўп бўлиб улар тобора кўпроқ бошқа ишларга тортिलाётганлигидан далолат беради.

Бироқ оилаларнинг ялли даромади турли манбалар бўйича тобора ўсиб бораётганига қарамай, унинг умумий даражаси ҳам моддий таъминот минимумдан (жон бошига 50 сўмдан) анча кам бўлмоқда. Бу колхозчи оилалар даромадини узлуксиз суратда анча кўпайтириш, бунинг учун унинг ҳамма манбалари, айниқса асосий манба ижтимоий ҳўжаликдан келадиган даромадларнинг ҳиссасини яна ҳам ошириш зарурлигидан далолат беради.

1974 йилнинг охиридан бошлаб жон бошига 50 сўмдан камроқ ялли даромад тўғри келган оилаларнинг саккиз ешгача бўлган болаларига 12 сўмдан қўшимча нафақа тўлаш тўғрисидаги қарор партия ва ҳукуматимизнинг моддий-таъминот минимумидан кам даромад олаётган совет кишиларига катта ғамхўрлиги бўлиб, бундан, шубҳасиз, колхозчи оилалари анча баҳраманд бўладилар.

Умуман колхозларда ишлаб чиқарувчи кучлар тараққиёти ва ишлаб чиқариш муносабатларининг етуклик даражаси нисбатан пастлиги учун колхозчиларнинг тирикчилик воситалари фонднинг шаклланиш манбалари, формалари ва ҳажми давлат секторидан фарқлидир. Ана шу фарқларни секин-аста тугатиб бориш ва колхозларда иш кучини такрор ишлаб чиқариш ва колхозчилар фаровонлигини ўстириш учун бутун колхоз секторида давлат сектори билан бир хил шарт-шароитлар яратиш жамиятимиз тараққиётининг муҳим талабидир.

Ф. Жалолов

О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В БОРЬБЕ ЗА ИНТЕНСИФИКАЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (1959—1965)

В грандиозных успехах коммунистического строительства в СССР немалая заслуга принадлежит нашей народной интеллигенции. Интеллигенция Советского Узбекистана также вносит большой вклад в развитие народного хозяйства и культуры республики. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, приводимые ниже конкретные материалы о роли сельской интеллигенции Ферганской области УССР в борьбе за интенсификацию сельского хозяйства в годы семилетки (1959—1965).

Сельская интеллигенция Ферганы призвана была внести активный вклад в выполнение заданий семилетнего плана по развитию сельского хозяйства на основе широкого внедрения новой техники и технологии в сельскохозяйственное производство, улучшение его связей с наукой, совершенствования планирования, организации и управления сельским хозяйством, концентрации и централизации производства, индустриализации сельскохозяйственного труда, организационно-хозяйственного укрепления колхозов и совхозов.

К рассматриваемому периоду в сельской местности Ферганской области уже имелся многочисленный отряд работников умственного труда. Так, в 1963 г. в колхозах и совхозах области работало 1317 специалистов сельского хозяйства. За 10 лет (1953—1963) количество агрономов там увеличилось в 4 раза, техников — в 6 раз¹. В 1959 г. из 115 председателей колхозов области только 19 имели специальное высшее и среднее сельскохозяйственное образование, а остальные были практиками². Хотя в 1957—1959 гг. в колхозы и совхозы Ферганы было направлено 650 специалистов сельского хозяйства, 350 из них из-за неудовлетворительных бытовых условий и других причин не закрепились в сельскохозяйственном производстве³.

Поэтому в годы семилетки партийные, советские и сельскохозяйственные органы усилили внимание к вопросам работы с кадрами специалистов сельского хозяйства.

Большая забота партии и правительства об организационно-хозяйственном укреплении сельскохозяйственных предприятий дала свои плоды. В 1963 г. из 114 председателей колхозов Ферганской области уже 81 человек имели высшее и незаконченное высшее образование, а среди директоров совхозов — 11 человек. Из 412 агрономов колхозов и совхозов области только 8 не имели специального образования. Улучшился и качественный состав кадров среднего звена колхозного производства. Так, в 1964 г. из 2619 бригадиров хлопководческих бригад 123 человека имели специальное высшее и среднее сельскохозяйственное образование, а 1907 — семилетнее образование⁴.

¹ Партархив Ферганского ОК КПУз, ф. 1057, оп. 1, д. 98, л. 120, 121, 125, 130.

² Текущий архив ЦК КПУз за 1959 г.

³ Партархив Ферганского ОК КПУз, ф. 1, оп. 233, д. 3, л. 59—60.

⁴ Там же, ф. 1057, оп. 1, д. 98, л. 120—130; ф. 1, оп. 251, д. 5, л. 10.

Если в 1959 г. по всей республике руководителями большинства хозяйств были в основном практики, то к ноябрю 1965 г. каждый второй председатель колхоза и 80 директоров совхозов имели высшее и незаконченное высшее образование⁶.

Таким образом, за годы семилетки к руководству сельскохозяйственными предприятиями пришло большое количество грамотных и опытных специалистов, хорошо знающих экономику сельского хозяйства.

Специалисты сельского хозяйства настойчиво добивались расширения посевных площадей, увеличения урожайности хлопчатника и других сельскохозяйственных культур, повышения продуктивности общественного животноводства, общего подъема экономики колхозно-совхозного производства. При их активнейшем участии Ферганская область в 1963 г. выполнила государственный план по хлопководству на 102,86% и дала государству 475,3 тыс. т «белого золота» — на 102 тыс. т больше, чем в 1962 г. Урожайность хлопчатника за один год выросла на 4,5 ц/га⁷.

1964 год принес новые успехи труженикам сельского хозяйства Ферганы. Они продали государству 491,4 тыс. т хлопка-сырца — на 125 тыс. т больше, чем в 1958 г. С каждого гектара хлопковых плантаций было убрано по 23,6 ц сырца⁸.

В достижении этих успехов большая заслуга принадлежала ученым-химикам. В результате их кропотливого труда были созданы новые высокоэффективные химические удобрения и дефолианты. Если в 1956 г. в Ферганской области 1 кг азота повышал прибавку урожайности хлопчатника на 16,6 кг, то в 1963 г. — на 23,3 кг⁹.

С каждым годом росло применение химических и минеральных удобрений на полях колхозов и совхозов области. В 1953 г. хлопководство Ферганы получило 156 тыс. т химических удобрений, а в 1963 г. — 276 тыс. т¹⁰.

Для повышения урожайности хлопчатника специалисты-агрохимики применили янтарную и марганцевую кислоты, а в результате урожайность выросла на 1,1—2,9 ц/га. Микроэлементы в 1964 г. испытывались в области на площади 50 тыс. га¹⁰.

Придавая большое значение роли кадров в успешном развитии сельского хозяйства, партийные, советские, хозяйственные органы все шире развлекли агрохимию, инженерную и зоотехническую учебу. Во многих хозяйствах под руководством главных инженеров велось обучение механизаторов. Сельские специалисты широко пропагандировали опыт передовиков, знакомили колхозников и рабочих совхозов с последними достижениями науки и практики в целях внедрения их в производство.

В 1963 г. 15 915 работников сельского хозяйства Ферганской области обучались на различных краткосрочных курсах¹¹. На специальных курсах повышали свою квалификацию 1150 трактористов, 600 механиков — водителей хлопкоуборочных машин, 250 механиков тракторных бригад¹².

Работа сельскохозяйственной интеллигенции не сводилась, однако, лишь к профессиональной подготовке сельских тружеников. Много сил и внимания отдавала она повышению общественной активности колхозников и рабочих совхозов, их политическому просвещению, идейной закалке. Агрономы, зоотехники, инженеры, экономисты и другие специалисты руководили кружками сети партийной учебы, выступали с лекциями и докладами на актуальные темы, принимали деятельное участие в работе различных общественных организаций.

На всю Ферганскую долину прославились своими замечательными делами представители сельской интеллигенции из колхоза им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Вуадильского района. Заслуженным авторитетом пользуются здесь агроном Т. Мастанов, ирригатор-инженер А. Азизов, инженеры-механики К. Ахмадалиев, Д. Узаков, зоотехник Т. Артыков, медики А. Бакиров, М. Камилова и другие специалисты. Своим самоотверженным трудом они содействуют неуклонному подъему хлопководства и других отраслей общественного хозяйства¹³. Их примеру стремятся подражать специалисты из других хозяйств.

В 1965, завершающем году семилетки Ферганская область успешно выполнила государственный план хлопкозаготовок, дав Родине 502 тыс. т хлопка-сырца, или на 182 тыс. т больше, чем в 1953 г.¹⁴

⁶ Правда, 1 ноября 1965 г.

⁷ Партархив Ферганского ОК КПУз, ф. 1057, оп. 1, д. 98, л. 39, 62, 63, 70, 75, 120.

⁸ Там же, ф. 1, оп. 251, д. 5, л. 10—15.

⁹ Там же, ф. 1057, оп. 1, д. 98, л. 120—125.

¹⁰ Там же, л. 77.

¹¹ Там же, л. 80—85.

¹² Там же, ф. 1, оп. 251, д. 5, л. 10.

¹³ Там же, ф. 1057, оп. 1, д. 2, л. 142.

¹⁴ Текущий архив колхоза им. Хамзы Хаким-заде Ниязи за 1959—1965 гг.

¹⁵ Узбекистан за 7 лет (1959—1965 гг.). Краткий статистический сборник, Ташкент, 1966, стр. 185; Советский Узбекистан за 40 лет. Статистический сборник, Ташкент, 1964, стр. 131.

Только с 1960 по 1965 г. урожайность хлопчатника в области выросла с 18,5 до 24,3 ц/га¹⁵. За эти годы площадь посевов хлопчатника в Ферганской области расширилась с 132,9 тыс. га до 174,7 тыс. га¹⁶. Парк тракторов увеличился с 7,6 тыс. до 9,4 тыс.¹⁷, хлопкоуборочных машин — с 1286 до 1883¹⁸ и т. д.

В эффективное, рациональное использование этих и иных средств производства, неуклонный подъем хлопководства и других отраслей земледелия и животноводства, повышение квалификации и творческой активности тружеников колхозов и совхозов большой вклад вносил и вносит сельская интеллигенция, идущая вместе со всей многонациональной армией нашей народной советской интеллигенции под руководством КПСС в первых рядах строителей коммунизма.

А. Дусматов

¹⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1969 г. Статистический ежегодник, Ташкент, 1970, стр. 108.

¹⁶ Там же, стр. 100.

¹⁷ Там же, стр. 114.

¹⁸ Там же, стр. 145.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКСКОЙ ССР ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Одно из важнейших условий успешного строительства коммунизма в нашей стране — всемерное развитие хозяйственно-организаторской деятельности Советского государства.

Экономическая основа советского общества — социалистическая система народного хозяйства — охраняется всей политической и правовой системой нашего государства и развивается в интересах всего общества.

КПСС и Советское государство ведут решительную борьбу со всякого рода негативными явлениями, причиняющими ущерб нашему народному хозяйству, в том числе с нарушениями правил советской торговли. Наша социалистическая торговля, государственная и кооперативная, обеспечивает все основные нужды населения в товарах широкого потребления. Однако некоторые недостатки в работе товаропроводящей сети, а равно наличие еще отдельных любителей легкой наживы за счет трудящихся обуславливают совершение ряда хозяйственных преступлений, в частности спекуляции.

Уголовный кодекс Узбекской ССР, как и УК других союзных республик, в специальной главе предусматривает ответственность за спекуляцию как один из видов посягательств на социалистические общественные отношения, отвратительнейший пережиток прошлого в поведении отдельных людей, источник их незаконного обогащения.

В первые годы Советской власти спекуляция переплеталась не только с хищениями и другими корыстными преступлениями, но иногда и с выступлениями врагов революции против нового общественного строя. Подчеркивая повышенную общественную опасность этого преступления для экономики Советского государства, В. И. Ленин писал: «Спекулянт, мародер торговли, срывающий монополию — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти»¹.

Еще 15 ноября 1917 г. был принят подписанный В. И. Лениным декрет «О борьбе со спекуляцией». «Продовольственная разруха, порожденная войной, безхозяйственностью, — говорится в этом декрете, — обостряется до последней степени спекулянтами и их пособниками на железных дорогах, в пароходствах, транспортных конторах и пр... Все лица, виновные в такого рода действиях, подлежат по специальным постановлениям Военно-революционного комитета немедленному аресту и заключению в тюрьмах... впредь до предания Военно-революционному суду»².

Хотя этот декрет, как и большинство уголовно-правовых актов того времени, не сформулировал основные признаки спекуляции, не установил ее конкретные виды и размеры наказания, он сыграл весомую роль в борьбе со спекуляцией.

Декрет СНК РСФСР «О спекуляции», изданный 22 июля 1918 г.³, до некоторой степени восполнил эти пробелы. Он предусматривал 12 разновидностей спекуляции, давал понятие этого преступления и определял виды уголовного наказания, а также ответственность виновных в зависимости от вида и тяжести спекуляции. В нем было установлено также, что «подстрекатели, пособники и прикосновенные к вышеозначенным деяниям лица (как то: снабжающие спекулянтов разрешением на получение и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 297.

² Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917—1952 гг., М., 1953, стр. 15.

³ СУ РСФСР, 1918, № 54, ст. 605.

передвижение товаров, наряду с них, предоставляющие им склады, вагоны и вообще средства передвижения, перепродающие дубликаты и всякого рода товарные квитанции и т. п.) наказываются наравне с главным виновником» (ст. 11 декрета). Покушение на совершение спекуляции наказывалось как оконченное деяние (ст. 12 декрета).

В Советском Туркестане этот декрет был введен в действие декретом ТуркЦИКА от 9 июля 1919 г.

В тот период большую роль в борьбе со спекуляцией сыграли органы ЧК, следственные комиссии, окружные и местные народные суды.

С переходом к новому законодательству о спекуляции перестало соответствовать новым условиям развития страны. Разрешая в определенных рамках частную торговлю, Советская власть тем самым сделала ненаказуемыми скупку, сбыв и хранение продуктов и промышленных товаров, ранее признававшиеся спекуляцией. В брошюре «О продовольственном налоге» (май 1921 г.) В. И. Ленин писал: «Надо отметить необходимую перемену в принципиальной постановке вопроса о борьбе со спекуляцией... Надо пересмотреть и переработать все законы о спекуляции, объявив наказуемым (и преследуя фактически с тройной против прежнего строгостью) всякое хищение и всякое уклонение, прямое или косвенное, открытое или прикрытое от государственного контроля, надзора, учета»⁴.

В соответствии с этими ленинскими указаниями, 15 июля 1921 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене», которым был изменен декрет СНК от 22 июля 1918 г.

На основании нового декрета спекуляцией признавалось «искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой, а также путем злостного невыпуска товаров на рынок».

С 1 июня 1922 г. вступил в силу УК РСФСР 1922 г., введенный в действие и на территории ТАССР. Ответственность за спекуляцию была предусмотрена в ст. 137 (гл. IV — Преступления хозяйственные), где рамки уголовной ответственности за спекуляцию были без каких-либо оснований сужены и многие формы спекулятивной деятельности, запрещенные прежним законодательством, оказались ненаказуемыми.

В дальнейшем редакция этой статьи УК с учетом опыта борьбы со спекуляцией в условиях нэпа была подвергнута изменению на 2-й сессии ВЦИК X созыва (10 июля 1923 г.), а затем внесена в УК РСФСР 1926 г. в виде ст. 107⁵. Здесь нашла свое выражение общая тенденция законодательства к уточнению признаков и определению понятия спекуляции, усилению уголовной ответственности за это преступление.

С 1 июля 1926 г. на территории УзССР был введен в действие первый УК УзССР, в котором норма об ответственности за спекуляцию была помещена в гл. V «Хозяйственные преступления»⁶. Ст. 175 этого Кодекса определяла спекуляцию как «злостное повышение цен на скупленные товары, сокрытие или невыпуск таковых на рынок», что наказывалось лишением свободы на срок до одного года, а при наличии сговора торговцев — до трех лет с конфискацией всего имущества.

Закон сурово преследовал частников, занимавшихся спекуляцией. Только за два месяца в начале 1931 г. народными судами Ташкента было рассмотрено 124 дела о спекуляции товарами на сумму свыше 2 млн. руб.⁷

Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 20 мая 1932 г. «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян» было установлено: «Не допускать открытия магазинов и лавок частными торговцами и всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов, пытающихся нажиться за счет рабочих и крестьян»⁸.

В связи с ликвидацией частной торговли существенным образом меняется и само понятие спекуляции в уголовном законодательстве. Советская торговля начала развиваться как торговля без спекулянтов, крупных и мелких. При социализме в соответствии с принципами и характером советской торговли спекуляцией признается всякая скупка и перепродажа товаров с целью наживы.

Именно из такого понятия спекуляции исходили ЦИК и СНК СССР, издавая 22 августа 1932 г. закон «О спекуляции»⁹, где говорилось, что «за последнее время, несмотря на запрещение, участились случаи спекуляции, особенно спекуляции товара-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 236—237.

⁵ СУ РСФСР, 1923, № 48, стр. 479.

⁶ В УК ГрузССР и УССР 1926 г. норма о спекуляции также входила в главу «Хозяйственные преступления», а в УК РСФСР 1926 г. ст. 107, предусматривавшая ответственность за спекуляцию, была помещена в главу «Преступления против порядка управления».

⁷ См. подробнее об этом: П. И. Исхаков. Вытеснение частного капитала из сферы торговли в Узбекистане (1921—1932 гг.), Общественные науки в Узбекистане, 1971, № 5, стр. 39.

⁸ Советская юстиция, 1932, № 15, стр. 7.

⁹ СЗ СССР, 1932, № 65, ст. 375.

ми массового потребления, ЦИК и СНК СССР обявляют ОГПУ, органы прокуратуры и местные органы власти принять меры к искоренению спекуляции, применяя к спекулянтам и перекупщикам заключение в концентрационный лагерь сроком от 5 до 10 лет без права применения амнистии.

В соответствии с этим законом, было внесено изменение в ст. 175 УК УзССР. Вскоре с учетом потребностей практики в ст. 175 УК УзССР было внесено (постановлением ЦИК Советов УзССР от 15 февраля 1933 г.) новое изменение: «Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления влечет за собой лишение свободы на срок не ниже пяти лет с конфискацией всего или части имущества»¹⁰. Ст. 175 УК УзССР с этим дополнением применялась вплоть до вступления в силу ныне действующего УК УзССР 1959 г.

В период Великой Отечественной войны спекуляция приобрела особую общественную опасность. Спекулянты в условиях войны становились настоящими дезорганизаторами тыла. Поэтому в отдельных случаях деятельность особо злостных спекулянтов суды рассматривали как преступление, перерастающее рамки состава спекуляции, и расценивали его по аналогии с вредительством. Так, выездной сессией Ферганского областного суда Г. за систематическую спекуляцию промтоварами в крупных размерах по ст. 10—63 УК УзССР был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества¹¹.

Однако ст. 175 УК УзССР страдала рядом существенных недостатков. В частности, в ней нечетко был определен предмет спекуляции. Указание в законе на отдельные предметы спекуляции: продукты сельского хозяйства и предметы массового потребления — иногда вызвало большие трудности при квалификации случаев скупки и перепродажи с целью наживы таких предметов, как, например, автомашины, пианино, холодильников, антикварных вещей, изделий из платины и золота, уникальных и некоторых других предметов.

Определенную трудность представляла квалификация случаев спекуляции, совершенной должностными лицами с использованием своего служебного положения, ибо ст. 175 УК УзССР указывала лишь на «частных лиц». Далее, ст. 175 УК УзССР не дифференцировала ответственность виновных в зависимости от размера спекуляции, и в большинстве случаев мелкие спекулянты оставались безнаказанными. Иногда суды, осуждая виновных по ст. 175 УК за мелкую спекуляцию, ввиду высокого минимума наказания по этой статье, вынужденно применяли ст. 52 УК о применении санкции ниже низшего предела, указанного в законе, или ст. 185 УК УзССР (нарушение правил торговли), хотя она противоречила смыслу диспозиции ст. 175 УК. Эти недостатки были учтены при конструировании нового законодательства.

В целях усиления борьбы с мелкой спекуляцией Президиум Верховного Совета УзССР принял 11 декабря 1957 г. специальный Указ «Об ответственности за мелкую спекуляцию»¹², установивший административно-судебный порядок ответственности за мелкую спекуляцию. В самом Указе разъяснялось, что он издается «в целях усиления борьбы с мелкой спекуляцией, т. е. со скупкой и перепродажей частными лицами в небольших размерах товаров народного потребления и продуктов сельского хозяйства, кассовых и товарных чеков и талонов, билетов в зрелищные и другие предприятия, книг, нот и иных ценностей с целью наживы».

В Указе устанавливалось, что мелкая спекуляция, совершенная впервые, влечет за собой арест на срок от 3 до 15 суток или штраф до 50 руб. с конфискацией предметов спекуляции. Однако в Указе не регламентировался порядок использования арестованных на физических работах, неясно было, вправе ли судья, единолично рассматривавший материал о мелкой спекуляции, направлять его на рассмотрение в товарищеский суд, на осуждение в коллективе по месту работы или жительства. Далее, в Указе отсутствовала минимальная сумма штрафа, не был установлен минимальный возраст, с которого можно было привлекать к ответственности за мелкую спекуляцию, и т. д. Все это затрудняло единообразное применение Указа на практике.

Важнейшим этапом в дальнейшем развитии законодательства по борьбе со спекуляцией стало принятие 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и новых УК союзных республик, в том числе УК УзССР 1959 г.

В новом УК законодатель обратил особое внимание на точность, конкретность диспозиций составов преступлений, учел, что в Основах исключен вопрос о применении закона по аналогии, что требовало наиболее конкретного и четкого описания уголовно-правовых норм об ответственности за спекуляцию.

Действующие УК УзССР и других союзных республик дифференцируют ответственность за спекуляцию в зависимости от степени общественной опасности деяния, размера спекулятивных операций и объема наживы. Эта дифференциация направлена

¹⁰ СУ УзССР, 1933, № 3, ст. 13.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-904, оп. 10, л. 153, л. 42.

¹² Ведомости Верховного Совета УзССР, 1957, № 12.

на точное описание простых и квалифицированных видов спекуляции, с более четким их разграничением по степени общественной опасности преступного деяния и личности виновного.

Анализ практики применения действующих норм свидетельствует о том, что они способствуют повышению эффективности борьбы со спекуляцией, укреплению нашей социалистической системы народного хозяйства, в том числе в такой его важной сфере, как советская торговля.

М. Саидазимов

К ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Арабское нашествие наложило значительный отпечаток на жизнь феодальных городов Средней Азии. Некоторые из них запустели уже в первой четверти VIII в., другие находились в полуразрушенном состоянии. Но постепенно, по мере известного подъема производительных сил, развития феодальных отношений, определенной стабилизации политического положения, происходит возрождение городской жизни в Мавераннахре, Мерв, Самарканд, а затем Бухара становятся резиденциями различных властителей, что вызвало быстрый рост этих городов. Именно в то время в Средней Азии сложился феодальный город. «К началу IX в., — отмечает О. Г. Большаков, — сложился тот тип города, который без принципиальных изменений просуществовал почти все средневековье»¹.

Серьезное изучение феодального города Средней Азии началось с публикации работы В. А. Жуковского о Мерве, где была изложена история города с использованием всех имевшихся тогда источников. Впервые общая характеристика средневекового города, с точки зрения его исторической топографии, была дана в работах В. В. Бартольда. Основываясь на письменных источниках, он установил трехчастное деление города — на цитадель (арк-кухендиз), внутренний город (медина-шахристан) и пригород (рабад)². А. Ю. Якубовский, восприняв теорию В. В. Бартольда в целом, высказал мнение, что шахристан и рабад — не только разновременные, но и различные по социально-экономической структуре города. После первых лет раскопок городища Пенджикент он пришел к выводу, что шахристан — особый тип феодального города; победа феодализма означала перенос всей жизни в рабады и гибель шахристана³.

Впоследствии, в связи с широкими археологическими исследованиями, выяснилось, что большинство шахристанов продолжало жить и после образования рабада как центра города. После А. Ю. Якубовского, несмотря на значительное увеличение количества материалов, относящихся к истории феодального города, теоретические осмысление данной проблемы до появления труда «Средневековый город Средней Азии» оставалось почти на уровне 50-х годов. Автор второй части этой книги О. Г. Большаков изложил историю феодального города на современном уровне. Опираясь на достижения советской археологии, он дал всесторонний анализ социально-экономического строя средневекового города.

Таким образом, в работах наших исследователей нашли отражение многие аспекты истории феодальных городов в Средней Азии. Здесь мы попытаемся на основе имеющихся археологических материалов и письменных источников осветить два элемента топографии средневековых городов Средней Азии — уличную сеть и городские площади.

В период после VIII в. площадь городов расширяется за счет рабадов, и топография их усложняется. В источниках мы находим немало названий городских улиц. Нередко в них запечатлелись имена знатных лиц или богатых горожан. Так, в Бухаре М. Наршахи отмечает улицы Везира ибн Айюб Хассана и Ало (по имени одного из богатых горожан — Хасана ибн Алойи)⁴.

Ас-Самани приводит около двух десятков названий улиц Мерва, в том числе связанных с именами знатных лиц: улица Абд ал-Кофима, Абу Му'аза и др.⁵

Многие средневековые улицы и кварталы получали свои наименования в зависимости от профессий населявших их жителей. Например, Тартуси, описывая Мерв, упоминает улицы Кожевников и Ювелиров, Наршахи отмечает в Бухаре улицу Парфюме-

¹ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 162.

² В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М.—Л., 1966, стр. 173—174.

³ А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой, Л., 1932, стр. 4; его же. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии, Труды ТаджФАН, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 14.

⁴ Мухаммад Наршахи. Бухоро тарихи, пер. с перс., Ташкент, 1966, стр. 52.

⁵ МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 325, 343.

ров⁶. Впрочем, вряд ли повсеместным явлением было проживание на данной улице представителей только одной профессии, ремесла.

За последние десятилетия в большинстве средневековых городов Средней Азии нашими археологами открыты остатки улиц, что позволяет получить более четкое представление об уличной сети феодального города. Раньше главным ориентиром для суждения о направлении улиц в городах Средней Азии служило местоположение ворот, определявшееся в отдельных случаях по рельефу⁷. Однако из-за отсутствия конкретных данных нельзя было идентифицировать все сообщения письменных источников об улицах на территории тех или иных городищ. Так, несмотря на упоминание нескольких десятков улиц в древнем Мерве, на плане городища были нанесены лишь магистральные улицы, соединявшие ворота⁸, а в последние годы добавлены еще 2—3 улицы внутри- и междуквартального характера⁹.

На плане Афрасиаба нанесены магистральные улицы, идущие вдоль главных каналов города. Они и их ответвления соединяются четырьмя воротами шахрстана. Вместе с тем на разных участках городища открыты остатки мощенных камнем улиц магистрального и междуквартального характера.

К юго-востоку от мечети расчищен отрезок улицы, вымощенной рваными чупантинскими камнями и булыжниками. Улица разветвлялась на две части: одна вела к цитадели, по направлению к кубурному водопроводу¹⁰; вторая поворачивала к северу (с отклонением 15—25°) и шла вдоль мечети. Эта магистральная улица вела к северным воротам. Примерно через 150 м Ю. Ф. Буряковым была заложена над второй улицей поперечная траншея. В результате расчищено два уровня улицы: нижний, покрытый галькой, и верхний, мощенный рваным камнем.

Под нижней улицей открыта кубурная линия, идущая в том же направлении. Как одна из магистральных улиц города она упоминается в источниках¹¹. К западу от нее, близ северных ворот, расчищена еще одна улица, ведущая к магистральной улице с запада¹².

В результате стратиграфических раскопок на месте северных ворот Г. В. Шишкиной удалось выяснить, что там проходило семь разновременных уровней дороги, с середины I тыс. до н. э. до начала XIII в. Здесь наглядно прослеживаются различия этих улиц. Наиболее ранние из них имеют грунтовую поверхность. Улицы V—VI вв. покрыты гравием или галькой с керамикой, а IX—X вв.—булыжником. Улицы XI—XII вв. очень плотно вымощены рваным камнем.

Близ центральной части городища, внутри III крепостной стены, расчищены две улицы, одна из которых разделяет квартал гоичнор на две части по направлению с юга на север¹³. Длина ее около 70 м, ширина—около 3 м. Вторая улица, пересекая ее, идет с запада на восток¹⁴. К востоку от них, вблизи стены, открыта еще одна улица¹⁵. На территории строящегося здания Музея истории Самарканда вскрыт отрезок улицы длиной 20 м¹⁶. Все эти улицы вымощены местным красноватым чупантинским рваным камнем и датированы IX—X вв.

В западной части городища, в 30 м правее шоссе Самарканд—Аэропорт, открыто два отрезка улиц, один из которых (северный) имеет длину 26 м, ширину—2,70 м¹⁷. На том же участке, влево от шоссе Самарканд—Аэропорт, зафиксировано еще две улицы, мощенные рваным сланцем. Ширина одной улицы—2 м, второй—4 м¹⁸.

⁶ Средневековый город Средней Азии, стр. 216, 238, 299.

⁷ В. А. Шишкин. К исторической топографии старого Термеза, Труды УзФАН, сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 137.

⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, Труды ЮТАКЭ, т. VI, Ашхабад, 1958, стр. 191.

⁹ С. Б. Лунина. Гоичнорное производство в Мерве X—начала XIII в., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 220.

¹⁰ О кубурач см.: А. Анарбаев. О применении кубуров в водоснабжении и канализации городов Средней Азии, ИМКУ, № 11, Ташкент, 1974, стр. 130.

¹¹ В. В. Бартольд. Соч., т. I, М.—Л., 1963, стр. 142.

¹² Я. Г. Гулямов и Ю. Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг., в сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 272.

¹³ К западу от нее находится так называемый «дворец ишидов», где обнаружена известная ныне стенная роспись VII—VIII вв.

¹⁴ Ш. Шорахимов. Гоичнорное производство средневекового Самарканда X—начала XIII вв. Автореферат канд. дис., Ташкент, 1975, стр. 9.

¹⁵ И. Ахбаров, Л. Ремпель. Резной штурк Афрасиаба, Ташкент, 1971, стр. 15.

¹⁶ М. Садыев. Археологические наблюдения на территории строительства здания Музея истории основания Самарканда, сб. «Афрасиаб», вып. 2, Ташкент, 1973, стр. 95.

¹⁷ М. Д. Джурякулов, Я. К. Крикис. Раскопки здания IX—X вв. на городище Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, стр. 315.

¹⁸ Г. В. Шишкин. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба, сб. «Афрасиаб», вып. 2, стр. 118.

В 1972 г. в направлении от III крепостной стены в сторону дворца «согдийских ихшидов» была заложена стратиграфическая траншея длиной 70 м. Примерно в середине ее зафиксирована каменная вымостка. В 1973 г. нами была сделана расчистка, показавшая, что это остаток улицы шириной около 4 м, идущей в направлении с запада на восток. Вдоль нее пролегал арык шириной по берегам 1,40—1,50 м, глубиной — 0,5—0,6 м.

В том же году нами были произведены в трех местах раскопы разведывательного характера. Первый из них заложен в северной части разведывательной траншеи, второй — продолжение траншеи к югу. Третий раскоп производился на естественном обрыве (с. ю.), в 40 м к западу от упомянутой траншеи.

До раскопов в обрыве были видны остатки каменной вымостки и кубурной линии. Было решено выяснить назначение этих сооружений. Раскоп вели по обе стороны обрыва. Оказалось, что вымостка состоит из больших сланцевых плит и служит продолжением упомянутой улицы.

Нам удалось расчистить отрезки улицы длиной 2,5—3 м шириной — 4,3 м. С южной стороны к улице прилегал тротуар шириной 0,7—0,8 м, который в разрезе отмечен на 0,25—0,3 м выше уровня улицы. Здесь арык вдоль улицы не прослеживается. Северная часть раскопа несет следы размыва, и, быть может, поэтому арыка не удалось заметить или в этом месте он не следовал вдоль улицы.

Стратиграфическими разрезами установлено, как строилась улица и в каком состоянии ее поддерживали жители города. Рваные камни выложены очень аккуратно, они плотно прилегают друг к другу, не оставляя щелей и образуя ровную поверхность.

На улице не обнаружено никаких органических мусорных наслоений. Натечные слои, отмеченные в разрезе, образовались позже, когда улица перестала функционировать. Здесь найдены фрагменты поливной керамики, характерной для XI—XII вв. Особенно выделяется фрагмент блюда с орнаментализированной надписью. Нам удалось прочесть слово «благополучия» (المن). Аналогичные блюда с подобной надписью отмечены в работе О. Г. Большакова, датированного их по археологическим данным XI—XIII вв.¹⁹ Помимо этого, обнаружены две монеты.

Над улицей отмечены утрамбованная земля и завал с керамикой, датируемые XII — началом XIII в. Видимо, на данном участке улица в последнее столетие существования города утратила свое значение в связи с перепланировкой района.

За последние годы отдельные участки улиц были открыты и в других местах города. Так, в северо-восточной части шахристана, близ мазара Ходжа Данияр, в 1970 г. Р. Равшанов зафиксировал вымостки улицы чупанатинским сланцем. Затем Ю. Бурьяков с помощью стратиграфического раскопа выявил несколько уровней улицы. Верхние две улицы, вымощенные рваным камнем, датируются IX—X и XI—XII вв.²⁰

В результате раскопок, проводившихся в течение ряда лет на территории комплекса Шах-и-Зинда, Н. Б. Немцева установила местонахождение медресе Ибрахима Тамгачхана (XI в.). Оно находилось к западу от комплекса Кусам ибн Аббаса, а между ними проходила улица X—XI вв., мощенная чупанатинским сланцем.²¹

Все это подтверждает сообщения гисьменных источников, в частности описание Ибн Хаукаля, что «весь город — все дороги и улицы его вымощены камнями».²²

В средневековом городе весьма существенную роль играли большие магистральные дороги, именуемые в источниках дарбами.²³ О. Г. Большаков, сопоставив описание Самарканда и Бухары у ал-Истахри и ал-Мукаддаси, пришел к выводу, что «дарбам назывались большие магистральные улицы рабадов».²⁴

Сейчас на плане средневекового Самарканда нанесено 10 таких дорог. Из них 4 отходят от ворот шахристана, а остальные — от центра (чорсу) южного рабада.²⁵ Как и улицы, они также имели свои названия, в основном по имени той местности, куда они вели. Например, Ривадская дорога вела к поселению Ривад (Тали-Борзу), дорога Фарухшид — к сел. Фарухшид и т. д.

В Бухаре, в отличие от иных городов Средней Азии (Мерв, Самарканд и др.), мы можем проследить лишь расширение города, но не перемещение его с места на место, т. е. домонгольская Бухара была расположена на территории современного го-

¹⁹ О. Г. Большаков. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии, Эпиграфика Востока, № XVI, Л., 1958, стр. 33, табл. IV-B.

²⁰ Ю. Ф. Бурьяков. Некоторые материалы к исторической топографии шахристана Самарканда, сб. «Афраснаб», вып. 3, Ташкент, 1974, стр. 57—58.

²¹ Н. Б. Немцева. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде, сб. «Афраснаб», вып. 3, стр. 139.

²² Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля, Труды САГУ, Новая серия, CLXI. Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 16.

²³ О двояком значении слова «дарб» см. «Средневековый город Средней Азии», стр. 227.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 225, рис. 93.

рода. Поэтому долгие годы город был не доступен для археологов. Серьезное изучение его началось после 30-х годов. Особенно выделяются работы В. А. Шишкина (1936) и О. А. Сухаревой (1958), где приводятся интересные материалы о топографии домонгольской Бухары.

О. Г. Большаков, основываясь на письменных источниках, составил план реконструкции Бухары. В результате выявлено 5 широтных и 9 меридианальных улиц. Вместе с тем он попытался идентифицировать некоторые магистральные дороги (дарбы) по территории внутреннего и внешнего рабада: дарб Самарканд, дарб Наубехор, дарб Колабад, дарб Рамитан и др.²⁶

Это большой вклад в изучение города, но конкретное устройство его улиц и их состояние пока неизвестны.

В целом же имеющиеся в нашем распоряжении данные о трех крупнейших городах Маавраннахра VIII—XIII вв. достаточно наглядно демонстрируют состояние и устройство улицы средневекового города.

В рассматриваемый период существовала особая должность «мухтасиб». В функции лица, занимавшего ее, входило наблюдение за чистотой улиц. Особенно усиливается его роль с XI в. По словам ал-Газали, «мухтасиб должен был следить за чистотой на улице, чтобы на нее не выбрасывали арбузных и дынных корок и другого мусора, чтобы после поливки она не стала скользкой и опасной для прохожих, чтобы сточные трубы не пачкали прохожих, мясники не резали скот перед лавкой и не пачкали улицу кровью. Снег, сброшенный на улицу с крыши определенного дома, должен был быть убран его хозяином. Нельзя сидеть и спать на улице, если это мешает проходу и т. д.»²⁷ В этом мухтасибу содействовали его помощники.

Письменные источники дают неполные сведения о городских площадях, а специальные археологические исследования в этом направлении пока не проводились.

Ал-Истахри сообщает, что в Мерве «место праздничной молитвы находится в квартале «Рас-ал-Мейдан», на площади Абу-Джахма, и окружают это место молитвы со всех сторон здания и постройки, и лежит оно между каналом Хурмузфарра и Маджан»²⁸. Трудно установить, где именно находилось это место, в Султанкале или за его пределами. Историк Табари упоминает, что «мейдан Иазид» расположен близ канала Хурмузфарра, на котором проводились военные смотры²⁹. Иби Хаукаль лишь упоминает о наличии площади в домонгольском Самарканде³⁰.

Ал-Истахри сообщает, что площади Самарканда были вымощены камнем³¹. Из-за отсутствия более подробных описаний невозможно даже предварительно идентифицировать местонахождение площадей на территории Афрасиаба. Но одна из них, видимо, находилась около цитадели.

Таким образом, нашим археологам предстоит еще большая работа по выявлению и изучению улиц, площадей и других элементов топографии среднеазиатских городов эпохи средневековья.

А. Анарбаев

²⁶ Там же, стр. 237—238, рис. 94.

²⁷ Там же, стр. 303.

²⁸ МИТТ, т. I, стр. 172—173.

²⁹ Средневековый город Средней Азии, стр. 213.

³⁰ Е. К. Бетгер. Указ. статья, стр. 13.

³¹ Отчеты Археологической комиссии за 1882—1899 гг., СПб., 1898, стр. XXV.

КТО БЫЛ АВТОРОМ «ТРАКТАТА ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СИНУСА ОДНОГО ГРАДУСА?»

«Трактат об определении синуса одного градуса с помощью действий, опирающихся на геометрические и арифметические основания» посвящен изложению метода определения синуса 1° по синусу 3° путем решения кубического уравнения

$$3 \sin x - 4 \sin^3 x = \sin 3x$$

с помощью итерационного процесса, называемого в трактате «введенном куба в деление»: за первое приближение принимается

$$\sin x_1 = \frac{\sin 3x}{3}, \text{ за второе — } \sin x_2 = \frac{\sin 3x + 4 \sin^3 x_1}{3},$$

$$\text{за третье — } \sin x_3 = \frac{\sin 3x + 4 \sin^3 x_2}{3}, \dots$$

$$\text{за } n\text{-е — } \sin x_n = \frac{\sin 3x + 4 \sin^3 x_{n-1}}{3}.$$

Этот итерационный процесс был впервые предложен выдающимся математиком самаркандской школы Улугбека Гияс ад-дином Каши в его не дошедшем до нас «Трактате о хорде и синусе», упоминаемом им в «Ключе арифметики»¹, и применен для вычисления исключительно точных таблиц синусов в «Зидже Улугбека».

В настоящее время известно два изложения этого метода. Первое — в комментариях к «Зиджу Улугбека» Мирима Челеби, внука двух математиков школы Улугбека — Казизаде Руми и Али Кушчи. Комментарии Челеби озаглавлены: «Правила действий и исправление таблиц»; в них изложен метод самого Каши².

Второе изложение дано в «Трактате об определении синуса одного градуса с помощью действий, опирающихся на геометрические и арифметические основания». Здесь приводится другой способ решения той же задачи, причем вместо синуса 1° определяется хорда 2° , равная удвоенной линии синуса 1° , а затем излагается метод самого Каши, который подвергается несомнительной критике.

«Трактат об определении синуса одного градуса» был переведен одним из авторов этой заметки со списка анонимной рукописи Каирской национальной библиотеки, хранящегося в Институте истории естествознания и медицины в Берлине под № 1.15³. При издании перевода трактат был приписан Казизаде Руми на основании мнения Т. Н. Кары-Ниязова⁴ и Г. Д. Джалалова⁵, которые цитировали этот трактат по книге турецкого историка математики Салиха Заки «Оставшиеся следы»⁶.

Сам С. Заки писал о трактате следующее: «Этот трактат в «Раскрытии сомнений относительно названий книг и наук» Хаджи Халифы именуется «Трактатом о синусе». Его настоящее название — «Трактат об определении синуса одного градуса с помощью действий, опирающихся на арифметические и геометрические основания». В имеющемся у меня экземпляре этого трактата имя автора прямо не названо, однако живший при Баязете Втором Махмуд ибн Мухаммад ибн Казизаде ар-Руми, известный под именем Мирим Челеби, в своих комментариях к «Зиджу Улугбека», озаглавленных «Правила действий и исправление таблиц», дал разделу об определении синуса одного градуса заголовок: «Трактат, который написал по этому вопросу другой дед этого ничтожного [автора], высокоученый исследователь Казизаде Руми»⁷.

Как видим, С. Заки обладал рукописью данного трактата, также анонимной, но не тождественной каирской, ибо в последней отсутствует таблица вычислений, для которой оставлено место (в упомянутом выше издании трактата ар-Руми эта таблица восстановлена Л. А. Карповой). В рукописи же С. Заки указанная таблица имеется и воспроизведена им⁸. С. Заки приписал ее Казизаде Руми, поскольку Челеби в своих комментариях пишет, что раздел его комментариев об определении синуса 1° является изложением сочинения его деда Казизаде Руми на эту тему. Но изложение Челеби и есть упомянутое нами выше изложение, русский перевод которого опубликован в изданном в 1956 г. трактате ал-Каши «Ключ арифметики». В начале изложения Челеби пишет: «Мы раскроем суть этого вопроса... и дадим доказательство по комментариям Алаэддина Кушчи к таблицам Улугбека и по сочинению, написанному об этом же Казизаде Руми, сотрудником Улугбека»⁹. Далее он вновь ссылается на «указанное выше» сочинение Руми¹⁰.

Отсюда видно, что Руми принадлежит только текст изложения Челеби, опубликованного в русском переводе, и, следовательно, нет оснований считать Руми автором «Трактата об определении синуса одного градуса».

Кто же автор этого трактата? Ответ мы находим в комментариях к «Зиджу Улугбека» выдающегося средневекового ученого Абдалали Бирджанди, который писал: «Поскольку стал известен приближенный способ определения синуса одного градуса, я ниже приведу также доказательство способа определения этого. Имеются два способа этого: один — тот, который разработал султан геометров Гияс-ад-дин Каши,

¹ Джемшид Гиясэддин ал-Каши. Ключ арифметики. Трактат об окружности. Пер. Б. А. Розенфельда, под ред. В. С. Сегаля и А. П. Юшкевича, комм. А. П. Юшкевича и Б. А. Розенфельда, М., 1956, стр. 9.

² Там же, стр. 312—319.

³ Казизаде ар-Руми. Трактат об определении синуса одного градуса. Пер. Б. А. Розенфельда, комм. Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, в кн. «Историко-математические исследования», вып. 13, М., 1960, стр. 539—566.

⁴ Т. Н. Кары-Ниязов. Математическая школа Улугбека, М.—Л., 1950, стр. 152.

⁵ Г. Д. Джалалов. Гияс-ад-дин Джемшид Чусту (Каши) — крупнейший астроном и математик XV века. Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института, вып. 7 (физико-математический), Ташкент, 1959, стр. 151.

⁶ آثار باقی صالح ذکی т. I, Стамбул, 1329 г. х.

⁷ С. Заки. Указ. соч., т. I, стр. 133.

⁸ Там же, стр. 129.

⁹ Джемшид Гиясэддин ал-Каши. Указ. соч., стр. 311.

¹⁰ Там же, стр. 317.

а другой — тот, который изложен автором [«Зиджа»] — святым султаном-мучеником Улугбеком»¹¹.

О том, что этой проблемой занимался Улугбек, видно и из комментариев Челеби, где говорится о «вычислениях, произведенных прославленным автором»¹², и о том, что «метод, которым был вдохновлен прославленный автор, есть метод алгебры и алмукабалы»¹³.

Что касается слов автора «Трактата об определении синуса одного градуса» о том, что геометрические и арифметические основания его действий внушил ему «дражайший собрат (الأخ العزيز)», единственный в свое время Джемшид Мас'уд, врач по прозвищу Гияс ад-дин Каши, то эти слова вполне объяснимы в устах султана-ученого по адресу «султана геометров».

Итак, мы приходим к выводу, что автором анонимного «Трактата о синусе одного градуса» был сам Улугбек и, следовательно, из сочинений великого ученого до нас дошел не только «Зидж Улугбека», но и специальный математический труд — «Трактат о синусе одного градуса».

А. Ахмедов, Б. Розенфельд

¹¹ Т. Н. Кары-Ниязов. Улугбек и Савай Джай Спигх, в кн. «Физико-математические науки в странах Востока», вып. 1, М., 1966, стр. 249—250. Здесь приведены и таджикский текст, и русский перевод данного отрывка.

¹² Джемшид Гиясэддин ал-Каши. Указ. соч., стр. 311.

¹³ Там же, стр. 317.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПОЛЕЗНАЯ КНИГА О ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В начале 1975 г. в Издательстве «Фан» УзССР вышла в свет книга Г. Абдумаджидова «Проблемы совершенствования предварительного расследования»¹.

Книга посвящена весьма актуальной теме, обсуждение которой давно уже идет на страницах юридических журналов, на научных конференциях и в ряде диссертационных исследований. Есть по этой теме и специальные работы, но небольшого объема и касающиеся лишь организационных вопросов.

Монография Г. Абдумаджидова выгодно отличается тем, что автор выбрал предмет своего исследования тщательный анализ норм уголовно-процессуального законодательства всех союзных республик, регламентирующих деятельность органов предварительного расследования по возбуждению и расследованию уголовных дел. В работе отмечены характерные черты и особенности уголовно-процессуального законодательства Узбекской ССР, касающегося порядка производства расследования. Значительное внимание автор уделяет роли и месту предварительного расследования в системе стадий уголовного процесса, а также проблеме дальнейшего совершенствования порядка производства отдельных следственных действий.

Книга состоит из краткого введения и пяти глав.

В первой главе рассмотрены общие вопросы производства расследования. Здесь даются понятие и характеристика следственных действий, показано их отличие от иных процессуальных действий следователя. Критически рассмотрена позиция других авторов по данному вопросу.

Первоочередное внимание уделено анализу общих условий производства следственных действий. На основе изучения следственной практики, а также уголовно-процессуальной и криминалистической литературы автор приходит к выводу о необходимости дополнения процессуального закона специальной главой, где были бы подробно регламентированы общие условия производства следственных действий (стр. 15). К этим условиям автор относит: основания производства следственных действий; средства охраны и реализации прав и законных интересов граждан; средства обеспечения недопустимости создания опасности для здоровья граждан, унижения их достоинства и причинения им имущественного вреда; средства обеспечения неприкосновенности жилища и тайны переписки; установление последовательности выполнения отдельных следственных действий и их непрерывности; регламентация условий и порядка применения научно-технических средств и др. (стр. 17—22).

Данное предложение представляется заслуживающим внимания законодателя, ибо принятие его послужило бы надежным средством реального расширения гарантий обеспечения законности при производстве предварительного расследования.

Вторая глава посвящена анализу законодательства, регламентирующего порядок производства следственных действий, направленных на получение показаний (допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте).

Критически рассмотрев высказанные в литературе взгляды и проанализировав отдельные статьи процессуального закона, автор вносит ряд предложений по дальнейшему улучшению регламентации производства допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте. Большинство предложений заслуживают поддержки, а некоторые из них — внимания законодателя.

В третьей главе дан анализ законодательства, регламентирующего производство следственных действий, связанных с исследованием объектов (следственный осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, воспроизведение обстановки и обстоя-

¹ Г. Абдумаджидов. Проблемы совершенствования предварительного расследования, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1975, 148 стр.

тельств события). Представляют интерес предложения автора об уточнении положений закона о порядке производства следственного осмотра (стр. 73—74), о расширении круга лиц, участвующих в осмотре (стр. 75), о порядке производства освидетельствования (стр. 85) и следственного эксперимента (стр. 91—93).

В четвертой главе анализируются правовые нормы, регламентирующие порядок следственных действий по изъятию объектов (выемка, обыск, получение образцов для сравнительного исследования). В завершающей, пятой главе рассмотрены порядок назначения и производства судебной экспертизы, выбора эксперта, а также порядок экспертного исследования, структура и оценка заключения эксперта.

Ознакомление с рецензируемой монографией показывает, что автор провел глубокое исследование проблем дальнейшего совершенствования процессуального законодательства, регламентирующего порядок производства следственных действий в одной из важнейших стадий уголовного судопроизводства — стадии предварительного расследования. Преобладающее большинство суждений автора заслуживают внимания, а многие предложения могут быть одобрены и рекомендованы законодателю. В частности, автор отмечает наличие в УПК различных союзных республик случаев неоправданного разнobia, пробелов, противоречий и вносит в целом достаточно аргументированные рекомендации по их устранению.

Автор не уклоняется от ведущихся в нашей процессуальной литературе и юридической печати дискуссий по нерешенным проблемам законодательного регламентирования теории и практики предварительного расследования. По многим спорным аспектам он высказывает и обосновывает свою точку зрения, что, безусловно, повышает ценность данной работы. Разумеется, не все высказывания автора бесспорны. Но каждый исследователь вправе аргументировать свою позицию по дискуссионным вопросам. Без таких творческих дискуссий невозможно плодотворное развитие научной мысли.

Рецензируемая работа, естественно, не претендует на исчерпывающее решение проблемы совершенствования действующего законодательства о предварительном расследовании. Сам автор во введении, например, вполне справедливо отмечает, что «организационно-тактические, технико-криминалистические, этические, психологические, экономические и другие вопросы производства следственных действий затронуты в работе лишь в связи с процессуальными основами их производства. Подробное рассмотрение этих проблем, несомненно, должно стать предметом самостоятельных исследований».

От себя добавим, что в данной работе практически не затронуты и многие проблемы, связанные с участниками рассматриваемых следственных действий, фиксированием хода и результатов этих действий в таких важных процессуальных актах, как протоколы, и т. д.

Представляется, что наименование монографии несколько шире ее объема и содержания. Судя по наименованию, в монографии должны были быть рассмотрены все проблемы совершенствования предварительного расследования. Между тем, как видно из оглавления и содержания монографии, в ней исследована только проблема совершенствования законодательства, регламентирующего порядок производства следственных действий. Стало быть, за пределами содержания книги, помимо прочих, остались: проблема дальнейшего совершенствования порядка принятия решений следователем и прокурором в этой стадии уголовного процесса; проблема совершенствования законодательства об организации предварительного расследования и прокурорского надзора за деятельностью следователя; важные вопросы улучшения законодательства об основаниях и порядке прекращения уголовного дела следователем и т. д.

Конечно, автор не обязан был исследовать все отмеченные нами проблемы. Но привести в соответствие название монографии с ее содержанием, очевидно, входило в обязанности автора.

Несколько замечаний частного порядка. На стр. 8 книги автор определяет предварительное расследование как «деятельность органов следствия и дознания, направленную на раскрытие преступлений и установление лиц, их совершивших». Такое определение правильно, однако недостаточно полно, ибо упущено указание на правоотношения, являющиеся органической частью расследования.

На стр. 81—82 автор в подтверждение своего положительного отношения к проблеме допустимости принудительного освидетельствования свидетеля и потерпевшего пишет, что «интересы осуществления правосудия ...должны рассматриваться выше, чем интересы гражданина, от результатов освидетельствования которого зависит установление истины». И далее: «...Принудительное освидетельствование потерпевшего и свидетеля нельзя считать морально недопустимым, ибо оно не унижает достоинство освидетельствуемого».

Здесь автор коснулся очень важной и сложной философской проблемы моральных ценностей, которая служит предметом острых дискуссий в юридической литературе. Не сомневаемся, что существо их известно и автору рецензируемой работы. Мы поддерживаем ту критику позиции А. Ратинова и Ю. Зархина, которая дана М. С. Строговичем. Конечно же, прав М. С. Строгович, когда он решительно выступает против предложения А. Ратинова и Ю. Зархина установить «иерархию ценностей», согласно которой при расследовании дела следователь мог бы сопоставить различные мораль-

ные ценности и в случае надобности жертвовать «меньшими» ценностями в пользу «более высоких».

Мы разделяем мнение М. С. Строговича, что А. Ратинов и Ю. Зархин «открывают широкую дорогу для отступления от нравственных принципов, для нарушений норм нравственности под предлогом, что это есть необходимое принесение в жертву «низшей» моральной ценности ради «более высокой» ценности»².

Последнее наше замечание касается позиции автора монографии по вопросу допустимости ознакомления эксперта с материалами уголовного дела и учета последних при даче заключения.

Г. Абдумаджидов разделяет мнение тех, кто положительно решает данный вопрос. Мы думаем, однако, что прав М. С. Строгович, утверждая, что эксперт должен давать заключение на основе своих познаний и исследований, а не на базе учета материалов уголовного дела, поскольку в таком случае эксперт «занимается не своей основной оценкой показаний свидетеля» и других материалов дела³.

В заключение отметим, что отдельные спорные положения, неизбежные при всей сложности проблемы, новизне и заостренности подхода автора к ее решению, не могут заслонить неоспоримые достоинства книги Г. Абдумаджидова. Она с большим интересом будет прочитана не только научными работниками, но и работниками органов юстиции, преподавателями и студентами юридических учебных заведений. Остается лишь сожалеть, что столь полезная монография издана весьма небольшим тиражом.

В. А. Стремовский, Г. П. Саркисянц

² М. С. Строгович и др. Проблемы судебной этики, М., 1974, стр. 24.

³ См.: М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 441.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ФОРУМ ЖЕНЩИН ВОСТОКА

Среди важнейших мероприятий, связанных с проведением Международного года женщины, видное место занял состоявшийся 16—20 июня 1975 г. в столице братского Казахстана Алма-Ате Международный семинар представителей женских организаций стран Азии на тему: «Участие женщин в экономическом развитии своих стран и в воспитании подрастающего поколения».

На семинаре, проведенном по инициативе Комитета советских женщин, собрались представители 40 женских и профсоюзных организаций 25 азиатских стран, а также видные деятели Международной демократической федерации женщин, Всемирного Совета Мира, ЮНЕСКО, Организации солидарности народов Азии и Африки, Экономической комиссии ООН для стран Азии и Тихого океана, Всеарабской федерации женщин и др.

В составе советской делегации были представители девяти союзных республик — Казахской, Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской ССР и РСФСР.

Торжественное открытие семинара состоялось 16 июля. Его открыл от имени ЦК Компартии Казахстана, Президиума Верховного Совета и Правительства Казахской ССР секретарь ЦК КП Казахстана И. М. Имашев. От Комитета советских женщин с яркой речью выступила его председатель, вице-президент МДФЖ, Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР В. В. Николаева-Герешкова. Она подчеркнула закономерность возрастания роли женщин в современном мире, особо отметив активную роль советских женщин в строительстве коммунизма в нашей стране и борьбе за мир во всем мире.

Затем перед собравшимися выступила Генеральный секретарь Международной демократической федерации женщин Ф. Эдельман, отметившая, что этот семинар «имеет поистине символическое значение» и является «большим вкладом в нашу общую благородную борьбу за социальное благополучие, безопасность и мир для каждого человека на земле».

На пленарных заседаниях были заслушаны выступления Генерального секретаря МДФЖ Ф. Эдельман (Аргентина), помощника Генерального секретаря ООН по гуманитарным и социальным вопросам, Генерального секретаря Международного года женщины Х. Сипила (Финляндия), Президента Международного подготовительного Комитета по проведению Всемирного конгресса, посвященного Международному году женщины, Ф. Браун (Австралия), вице-президента Всеарабской федерации женщин А. эль-Хефни (АРЕ), представителя Организации солидарности народов Азии и Африки Е. Ранавира (Шри Ланка), Председателя Экономической комиссии ООН для стран Азии и Тихого океана Р. Рифат (Пакистан), сотрудника ЮНЕСКО Ж. Буассона (Монако), секретаря Всемирного Совета Мира К. Тэлбот (США).

Рабочие заседания участников семинара проходили в двух комиссиях: «Роль женщин в экономическом развитии своих стран» и «Участие женщин в воспитании подрастающего поколения».

Первая комиссия (председатель — ст. н. с. НИЭИ Госплана СССР, канд. экон. наук Г. П. Сергеева) провела 4 заседания, где выступили 37 человек из 25 стран. Они рассказывали о растущей роли женщин в хозяйственной жизни современного общества, тяжелом положении работниц в несоциалистических странах, их усиливающейся борьбе за подлинное равноправие, о том, что в этой борьбе вдохновляющим примером им служат женщины Страны Советов, в том числе республик Советского Востока, которым победа социализма принесла подлинное равенство, свободу и счастье. Об этом наглядно свидетельствовали факты, приведенные в выступлениях советских делегатов, в частности директора Института истории АН УзССР, доктора ист. наук М. А. Ахуновой.

Вторая комиссия (председатель — ст. н. с. НИИ общей педагогики АПН СССР, канд. пед. наук М. Н. Колмакова) также провела 4 заседания, на которых выступили 33 человека из 19 зарубежных стран и 8 республик СССР. Здесь обсуждались актуальные вопросы участия женщин в обучении и воспитании подрастающего поколения, те трудности, которые стоят на этом пути в несоциалистических странах Азии, способы и средства их преодоления. Представители Советского Союза поделились колоссальным опытом обучения и воспитания молодежи в нашей стране, ее подготовки к активной трудовой и социальной деятельности. О повседневной заботе КПСС и Советского государства о женщинах и детях (на конкретных материалах Узбекистана) рассказала секретарь Узсовпрофа, канд. мед. наук Н. М. Махмудова.

Комиссии приняли ряд рекомендаций, нацеленных на дальнейшее усиление борьбы женщин несоциалистических стран Востока за подлинное равноправие, повышение их роли в экономической жизни и воспитании подрастающего поколения.

Пребывание в нашей стране позволило участникам семинара получить наглядное представление о блестящем решении этих проблем в результате победы социализма в СССР. Зарубежные гости побывали на многих промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях, медицинских, детских, культурных учреждениях, с интересом ознакомились с условиями жизни и быта советских женщин, огромными достижениями в осуществлении фактического равноправия наших женщин, обучении и воспитании подрастающего поколения.

В ходе семинара, в личных беседах и встречах советские женщины подробно рассказывали зарубежным подругам о наших республиках, истории раскрепощения женщин Советского Востока, активном участии их во всех сферах жизни социалистического общества. Зарубежные участники семинара слушали эти рассказы с огромным вниманием, подчеркивая, что пример советских женщин вдохновляет женские массы других стран на борьбу за подлинное равноправие, за счастье детей, за мир и свободу.

Участники семинара решительно высказались против происков сил империализма, милитаризма, колониализма, неоколониализма и расизма, за справедливое урегулирование ближневосточной и кипрской проблем, превращение Индийского океана в зону мира, дальнейшее углубление и расширение процессов разрядки в международных отношениях.

Проведение Международного семинара позволило представителям женских организаций различных стран Востока поднять широкий круг вопросов, касающихся современного положения женских масс, их роли в развитии экономики и воспитании молодого поколения, а также обменяться опытом работы в указанных направлениях, в подготовке и проведении Международного года женщины, укреплении солидарности трудящихся женщин в борьбе за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс всех народов нашей планеты.

М. А. Ахунова, Н. М. Махмудова

«БАРТОЛЬДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

В 1974 г. по инициативе группы научных сотрудников Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения АН СССР (Москва) было положено начало проведению на базе Института ежегодных «Бартольдских чтений». В состав Оргкомитета чтений вошли Б. Г. Гафуров (председатель), Е. А. Давидович (зам. председателя), Г. Ф. Гирс, Д. Д. Васильев и др.

Установлено, что каждый год в программу чтений будут включаться доклады и сообщения по широкой востоковедческой тематике, в первую очередь той ее части, которая в свое время входила в круг прямых или косвенных интересов выдающегося советского востоковеда. Тем самым предпринимался и высокий удельный вес тематике, связанной с историей средневекового Востока, в том числе Средней Азии. Кроме того, в программе чтений особое место занял раздел «Новое о научной, педагогической и общественной деятельности В. В. Бартольда».

Первые чтения состоялись в 1974 г. по общей тематике «Изучение истории средневекового Востока В. В. Бартольдом и современное состояние науки». Чтения прошли весьма успешно и сразу же привлекли к себе внимание востоковедной общественности страны. В них приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Ашхабада, Баку, Киева, Махачкалы, Самарканда, Ташкента и других городов СССР. С докладами и сообщениями выступили, в частности, посланцы Узбекистана: Б. В. Лунии, О. Д. Чехович, И. И. Умяяков (приславший письменный текст своих воспоминаний о Бартольде) и др.

Очередные «Бартольдские чтения» состоялись в апреле 1975 г. Они были проведены по следующей программе: I. Мулк (милк), генезис, развитие; II. Институт феодальных пожалований: генезис, развитие, локальные варианты, терминология; III. Новое о научной, педагогической и общественной деятельности В. В. Бартольда.

Активное участие в чтениях 1975 г. приняли ученые нашей республики. О. Д. Че-

нович выступила с одним из основных и вызвавших оживленное обсуждение докладов повестки дня: «В. В. Бартольд и пути дальнейшего исследования проблемы милка». Б. А. Ахмедов посвятил свое выступление теме: «Икта в Средней Азии в XVI — начале XVII в.». Р. Г. Мукминова выступила с сообщением «К характеристике условного земельного пожалования тиул», а Т. Ташбаева — «Издольщина на милковых землях в Узбекистане конца XIX — начала XX в.» (по этнографическим материалам).

Сообщение «Тенденция развития феодальной частной собственности в Узбекистане накануне присоединения к России» сделал А. А. Ташмухамедов.

С интересом было заслушано сообщение Б. В. Лунина «Из эпистолярного наследия В. В. Бартольда (Письма В. В. Бартольда к Н. П. Остроумову)», содержащее дополнительные данные о деятельности Бартольда в послеоктябрьские годы, последние месяцы его жизни.

Среднеазиатской тематике были посвящены доклады Е. А. Давидович — «Милковая земельная собственность в Средней Азии XVI—XVIII вв. (По актовым источникам)», А. М. Мухтарова — «Два документа по истории Ура-Тюбинского владения XVIII—XIX вв.», Б. И. Пак — «О помощи В. В. Бартольда становлению науки в Советском Туркестане».

«Бартольдовские чтения» становятся доброй традицией советского востоковедения. В программе чтений 1976 г.: I. Товарное производство, торговля, денежное обращение, средневековые города; II. Новое о научной, педагогической и общественной деятельности В. В. Бартольда.

Институтом востоковедения АН СССР принято решение ежегодно публиковать отдельными книгами материалы (доклады и сообщения) «Бартольдовских чтений».

Ж. А. Белоусова, Б. И. Кнопов

ОНЕР БАИМБЕТОВИЧ ДЖАМАЛОВ (1912—1975)

8 августа 1975 г. после продолжительной тяжелой болезни скончался член Президиума АН УзССР, член-корреспондент АН УзССР, доктор экономических наук, профессор, член КПСС с 1945 г. Онер Баимбетович Джамалов.

О. Б. Джамалов родился 1 мая 1912 г. в ауле Сембе (Южный Казахстан). Трудовую деятельность он начал преподавателем с 1935 г. В 1939 г. окончил Ташкентский финансово-экономический институт. С 1942 по 1958 г. работал на кафедре политической экономии ТашГУ им. В. И. Ленина, вначале преподавателем, затем доцентом, а с 1958 г. профессором.

В 1948 г. О. Б. Джамалов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Социально-экономические предпосылки сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана», а в 1957 г. — докторскую диссертацию на тему «Победа колхозного строя и развитие колхозного производства в Узбекистане».

С 1958 по 1971 г. Онер Баимбетович был директором Института экономики АН УзССР, а с 1971 г. — академиком-секретарем Отделения философских наук и одновременно заведующим отделом проблем политической экономии социализма Института экономики АН УзССР. В ноябре 1966 г. О. Б. Джамалов был избран членом-корреспондентом АН УзССР.

Перу Онера Баимбетовича принадлежит более 150 научных публикаций, в том числе такие монографии, как «Социально-экономические предпосылки коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане» (1950), «Развитие материально-производственной базы колхозов Узбекистана» (1959) и др. Он был одним из авторов и ответственным редактором ряда коллективных работ.

О. Б. Джамалов был председателем секции проблемного Совета АН УзССР по Средней Азии и Казахстану «Экономические закономерности развития социализма и перерастания его в коммунизм», членом ряда проблемных и ученых Советов, Главной редакции Узбекской Советской Энциклопедии, редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане».

Под руководством О. Б. Джамалова подготовлено и защищено около 50 кандидатских и докторских диссертаций по различным проблемам экономической науки.

За заслуги в развитии науки и подготовке научных кадров О. Б. Джамалов удостоен ряда правительственных наград.

Память об О. Б. Джамалове надолго сохранится в наших сердцах.

А. С. Садыков, С. Н. Рыжов, С. Х. Сираждинов, М. К. Нурмухамедов, Х. Н. Баймухамедов, А. М. Акрамходжаев, У. А. Арифов, С. К. Зиядуллаев, В. К. Кабулов, С. К. Камалов, М. Н. Набиев, Я. Х. Туракулов, Ш. Ш. Шаабдурахманов, В. П. Щеглов, К. Н. Бедринцев, И. И. Искандеров, К. И. Лапкин, М. М. Хайруллаев, А. Х. Хикматов и др.

МУНДАРИЖА

М. Қўш жонов. Социалистик реализм адабиётда мазмун ва шакл бирлиги.	3
Л. Г. Тетенева. Ҳозирги даврда Ўзбекистонда ишчилар синфининг сони динамикаси	10
П. Носиров. Пахта комплекси тармоқларида қиймат пайдо бўлишининг актуал масалалари	16
Г. А. Аҳмедов, Б. А. Миренский. Криминологик ва жиноий ҳуқуқий категорияларнинг ўзаро муносабати ҳақида	23
А. Қодиров. Белгининг геоэкологик вазияти ҳақида	29

Фаробийнинг 1100 йиллигига

Ю. Жумабоев. Фаробийнинг ахлоқий таълимида бахт масаласи	35
--	----

Илмий ахборот

Ф. Жалолов. Қолхозларда иш кучини такрор ишлаб чиқариш масаласига доир	40
А. Дўсматов. Фарғона области зйёлиларининг қишлоқ хўжалик унумдорлигини ошириш учун курашдаги роли ҳақида (1959—1965)	43
М. Саидазимов. Ўзбекистон ССР хўжаликларидаги жиноятлар учун жавобгарлик ҳақидаги қонуларнинг ривожланиш тарихидан	45
А. Анорбоев. Ўрта Осиёнинг ўрта аср шаҳарлари топографиясига оид	48
А. Аҳмедов, Б. Розенфельд. «Бир градус синусини аниқлаш ҳақидаги трактат»нинг муаллифи ким бўлган?	51

Танқид ва тақриз

В. А. Стрёмовский, Г. П. Саркисянц. Дастлабки текширишларни такомиллаштириш проблемасига оид фойдали китоб	54
--	----

Илмий ҳаёт хроникаси

М. О. Охунова, Н. М. Маҳмудова. Шарқ аёллари форуми	57
Ж. А. Белоусова, Б. И. Кнопов. «Бартольд ўқишлари»	58
Онер Баимбетович Жамолов (1912—1975)	60

СОДЕРЖАНИЕ

М. Кошчанов. Единство содержания и формы в литературе социалистического реализма	3
Л. Г. Тетенева. Динамика численности рабочего класса Узбекистана на современном этапе	10
П. Насыров. Актуальные вопросы ценообразования в отраслях хлопкового комплекса	16
Г. А. Ахмедов, Б. А. Мирейский. О соотношении криминологических и уголовно-правовых категорий	23
А. Кадыров. О гносеологическом статусе знака	29
К 1100-летию Фараби	
Ю. Джумабаев. Проблема счастья в этическом учении Фараби	35
Научные сообщения	
Ф. Джалалов. К вопросу воспроизводства рабочей силы в колхозах	40
А. Дусматов. О роли интеллигенции Ферганской области в борьбе за интенсификацию сельского хозяйства (1959—1965)	43
М. Саидазимов. Из истории развития законодательства Узбекской ССР об ответственности за хозяйственные преступления	45
А. Анарбаев. К топографии средневековых городов Средней Азии	48
А. Ахмедов, Б. Розенфельд. Кто был автором «Трактата об определении синуса одного градуса?»	51
Критика и библиография	
В. А. Стрёмовский, Г. П. Саркисянц. Полезная книга о проблемах совершенствования предварительного расследования	54
Хроника научной жизни	
М. А. Ахунова, Н. М. Махмудова. Форум женщин Востока	57
Ж. А. Белоусова, Б. И. Киопов. «Бартольдские чтения»	58
<u>Онер Баимбетович Джамалов (1912—1975)</u>	60

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *В. М. Тарахович*

P08532. Сдано в набор 25/IX-75 г. Подписано к печати 15/X-75 г. Формат 70×108^{1/16}. Бумага тип. № 1.
Бум. л. 2,0. Печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 5,0. Изд. № 1618. Тираж 1419. Цена 40 к. Заказ 223.

Типография Изд-ва „Фан“ УзССР. Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес Издательства: ул. Гоголя, 70.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ»
на 1976 г.

Подписка принимается всеми отделениями «Союзпечати» и связи, а также общественными распространителями печати.

Подписная цена на год — 4 р. 80 к.

Цена 40 к.

Индекс
75849